

Ольга Шах

ТОМЕЩИЦА
БЕДНАЯ ЛИЗА

Ольга Шах

Помещица бедная Лиза

«Автор»

2026

Шах О.

Помещица бедная Лиза / О. Шах — «Автор», 2026

Верно говорил герой очень известной комедии Эльдара Рязанова: "Пить надо меньше! Меньше надо пить!". Только я, Лиза Арсеньтьева, москвичка в энном поколении, не последовала ценному совету! Обиделась на своих коллег по работе, что подвели меня под сокращение, и вообще, на весь мир, за то, что в жизни не везло. Приняла лишнего "на грудь" и решила, раз не везёт мне в этом мире, попрошусь-ка я у неведомых сил в другой мир! Просила - получи и распишись!

© Шах О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Г	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Помещица бедная Лиза

Глава 1

Наше время – Лиза 1

Я брела от метро домой почти не видя дороги, спотыкаясь и загребая своими новенькими модными ботиночками ту кашу, что в Москве называется снегом. Перемешанный грязный снег с разными реагентами и просто солью, с добавками от автомобилей - бензином, соляркой и маслами. Зима в этом году на удивление, была снежной, и снег выпал достаточно рано, аж в начале декабря. Что стало шоком для коммунальных служб. В груди жгло, клокотало от невыплаканных слез, но глаза были сухие. Обидно было невыносимо. За что же так со мною? Нет, я понимаю, что я далеко не красавица и не являюсь "мечтой хрустальной" какого-нибудь бизнесмена-миллиардера, который разглядит во мне свой идеал, но я всё-таки женщина. Пусть и не первой молодости. Я сглотнула ещё раз, унимая горечь и соль в горле от того, что не могла заплакать. Как закаменела там, в офисе, так и ходила по этажам огромного здания с сухими, ничего не выражающими глазами и выпрямленной до доскообразного состояния спиной (впрочем, с моей фигурой это совсем несложно).

Так и ехала домой в метро, толкалась на выходе, брела по сугробам к себе домой. Удобнее перехватив коробку со своими вещами из офиса, быстрее зашагала к уже различимому родимому подъезду. Какой идиот придумал, что при увольнении сотрудник должен собрать свои вещи в коробку - непонятно, ведь в сумку же удобнее? Но мы следуем европейским стандартам и тащим эти дурацкие коробки, потом швыряем их красивым жестом на заднее сиденье машины, садимся на водительское кресло и, включив зажигание, уносимся на авто в даль голубую. А у меня машины нет и швырять эту проклятую коробку мне некуда. Даль, правда есть, но вряд ли голубая. Подойдя ближе к своему подъезду, я от досады сцепила крепче зубы и сделала не просто каменное лицо, а железобетонное! Ибо шла я домой во внеурочное время, и бабки-кумушки из нашего подъезда и двух соседних, "паслись" на двух лавочках, которые остались только возле нас. Остальные, под горестные вопли бабок, выдрал и утащил все в ту же даль бессердечный ЖЭК. Под соусом реконструкции и облагораживания нашего двора.

Придерживая норовящую упасть проклятую коробку и нашаривая рукой в кармане пуховика ключи, не глядя на старух, кивнула им всем сразу и прошествовала мимо них. Прямо как через строй со шпицрутенами. Спину жгло от любопытных взглядов, и явственно слышались шепотки:

- Чегой-то Лизка не вовремя домой идёт? Вон, какую коробищу тащит! Видно, накупила всего, а где такие деньжищи берет? Проститутка, видать! Точно, Петровна с первого подъезда говорила, проституткой она в бане работает! Во, уработалась, едва идёт!

Тяжеленная металлическая дверь подъезда грохнула, закрываясь тугой пружиной, едва не поддав мне по зад... ну, в общем, по тому, что должно быть практически у каждой женщины, а у меня только теоретически. Ещё пролет до лифта, приехавшая громыхающая сетчатая коробка вознесла меня на мой шестой этаж, родная дверь, и вот я дома.

Уронила коробку на пол в прихожей и, не раздеваясь, сама тут же приземлилась на пол, не включая свет. Ревела я долго и со вкусом, захлебываясь, подвивая, икая, растирая сопли и валяясь по полу, как неразумная детсадовка. Пока не пришел Федька. Сев возле меня на пол копилкой, он вначале внимательно осмотрел меня и неожиданно громко, басовито мявкнул.

Да, все верно, Федька - это мой кот. Эта здоровенная беспородная полосатая сволочь, наглая до невозможности, отъевшаяся на хозяйских харчах, но корча при этом из себя неза-

висимую личность и не желавшая отзываться ни на какое имя, кроме как на "Федор". Вот именно так, просто "Федор" не прокатит. Тем более банальное "кис-кис". На него тогда сразу нападает удивительная глухота. А ведь когда-то, два года назад, я вытащила его из помойки совсем крохой, поздней осенью, он от голода и холода уже и мяукать не мог, только разевал беззвучно розовый ротишко и таращил голубые глазенки. И вот на тебе, вырастила на свою голову.

Перевалившись на бок и глядя на кота, подавляя последние всхлипы с икотой, я ему сказала:

-Что смотришь, Федор? Не видел ик... хозяйку никогда такой? Я сама ик... себя такой не видала ик... Ладно, не таращись, сейчас встану... ик... наверное...

Кое-как, елозя ботинками по скользкому паркету (спрашивается, какого черта я вчера его натирала?), держась за стенку, я поднялась на ноги. В ростовом зеркале в шкафу я отражалась во всем своем великолепии. "Хороша" я была необыкновенно! Полурасстегнутый пуховик, наполовину вылезший из ворота широкий, модный в этом сезоне шарф, связанный собственноручно, грязный рукав бежевого пуховика - опять в лифте шаркнулась рукой! Всклопоченные волосы, утром тщательно уложенные и облагороженные покраской в ближайшей парикмахерской, чтобы не было заметно моего природного мышинного цвета. А как апофеоз - размазанная по всей физиономии тушь (а рекламировалась как водостойкая! Жулики!), перемежалась с карминными пятнами помады и вокруг глаз, как у мишки-панды, цвели почему-то черные тени, ещё утром бывшие благородного серо-дымчатого цвета. Самой страшно стало. Раздевшись и пнув по дороге подвернувшуюся под ноги коробку, пошла в ванную, смывать эту невероятную красоту и переодеваться. Не ходить же мне по квартире в офисном костюме. Выполнив намеченное, прошла на кухню, села у стола и, подперев щеку рукой, принялась размышлять о своей нелегкой судьбе и что мне делать дальше, даль-то ведь не голубая...

Вообще-то лучше начать с самого начала. И я стала думать, что во мне не так, за что мне все это? Для начала познакомлюсь я с собой заново. Разрешите представиться - Елизавета Арсентьева! Обычное имя. Зато отчество у меня - Генриховна! И до года своей жизни я имела неповторимую фамилию Пфайфель! Как сказала бабушка Мария: "подгадил-таки, немчура"! "Немчура" - это мой папенька, ну да, он немец, из поволжских немцев. Как сказала бабуля, запудрил мозги моей маменьке на третьем курсе, и вот, к дипломному проекту мамы, появилась я, вечно орущее, вечно голодное и исправно пачкающее пеленки существо. Вытерпев всего полгода, вчерашние студенты, а ныне мои родители, решили, что хватит с них родительских забот и отбыли в даль голубую (тьфу, зараза, что она ко мне привязалась сегодня, даль эта!), то есть, сказали, что в экспедицию, то ли в геологическую, то ли археологическую, а то ли и вовсе филологическую - я не уточняла, а бабуля не распространялась. И растворились с тех пор на просторах Родины, впрочем, сейчас, может быть, уже и не Родины. Бабуля, будучи дамой обеспеченной, могла позволить себе нанять мне няню, а потом и устроить меня в ясли. Когда мне исполнился год, бабуля, задействовав свои связи, сменила мне фамилию в документах, и стала я, как и она, Арсентьевой. Но папуля подгадил мне не только фамилией. Увы! Я и внешностью пошла в него, и характером. Педантичная, вьедливая, всегда спокойная, с равнодушным выражением на лице. В общем, характер нордический, выдержанный. Я и дралась с этим самым выдержанным характером и спокойным выражением лица. А драться мне приходилось часто, ребятня и в детсаду, и во дворе, да и в школе тоже частенько дразнили меня. К тому же я обладаю одной неприятной чертой - я прямолинейна до изжоги. Как говорит мой троюродный братец Кирюха (бравый офицер спецназа, между прочим!): "Тактичности и дипломатичности в тебе, Лизка, как в бэтре! То есть нисколько".

Да, внешность у меня того... не мечта поэта, прямо скажем. В детстве, глядя на меня, бабуля со своими сестрами говорили уверенно:

-Ничего, перерастет! Вон Катенька (моя мамуля) тоже была гадким утёнком, а потом какая красивая выросла!

Потом, лет в пятнадцать, говорили:

-Да ещё выправится!

Но уже не так уверенно. А после, когда стало ясно, что я так и останусь худой и с фигурой, в которой сзади мешком висели даже леггинсы, спереди грудь уверенно стремилась к отметке "минус", бабуля, вздохнув, признала:

-Ну да, красавицы из тебя не получится. Зато ты умная!

Так себе утешение. В школе я была отличницей, поэтому друзей не имела. Окончив школу с золотой медалью, я, удивив бабулю и всю родню, поступила в Плехановку. То есть экономический университет имени Плеханова. И закончив его, я ещё пару лет аспирантовала на кафедре бизнес-аналитики. Но поняла, что и с кандидатской степенью денег на жизнь мне не хватит.

Бабуля ещё раз тряхнула своими связями, и меня приняли на работу в такое солидное учреждение, как Россельхозпродукт. Хотя мне было все равно, хоть сельхозпродукт, хоть Стали и сплавы. Бизнес-аналитика везде одинакова. И вот уже шесть лет, до сегодняшнего дня, я трудилась там, в должности аналитика в соответствующем отделе. Всего нас там было семь человек, восьмой начальник отдела, милейший Петр Васильевич. Он нас всех называл девчонками, хотя самой старшей у нас было уже под пятьдесят, из относительно молодых были я и удивительно безмозглое создание Лидочка.

Как она попала на аналитику, в которой не понимала вообще ничего, а главное - почему ее держали на этой должности - тайна, покрытая мраком. Поговаривали, что у нее надёжный покровитель, один из совета директоров. При этом сие надо было произносить приглушённым голосом и поднимать глаза к потолку, а остальным сочувственно вздыхать. Всю аналитику, поручаемую ей, приходилось потом переделывать нам всем по очереди. И вот, сменился у нас начальник нашего направления, курирующий сразу несколько отделов. Красавчик, спортсмен, с дипломом Гарварда, но страшный бабник. Наши девицы все только томно вздыхали, говоря о нем.

И тут случилось три неприятности сразу - Петр Васильевич наш ушел в отпуск, мне выпало переделывать отчёт Лидочки и на наш отдел надвигалось сокращение штатов. Ясно, что предполагались две кандидатуры - Лидуся и я. Так что, в свете надвигающегося, да ещё просидев полночи за компом, исправляя и переделывая отчёт Лидочки, пришла на работу не в лучшем расположении духа. Ни на кого не глядя, достала из сумки флешку с отчётом, и громко заявила:

-Сколько можно пахать за эту начальственную грелку? Лидка, ты как диплом получила? Или купила в переходе?

Гробовая тишина, воцарившаяся в кабинете, меня всё-таки остановила от дальнейшей гневной речи. Повернувшись, увидела чудную сцену - возле Лидкиного стола стоял наш красавчик, а уткнувшись ему в английский пиджак, картинно рыдала Лидуся. Вот стерва, она даже ревет изящно, аккуратно, нигде ни тушь не потекла, ни помада не размазалась! Промокает глазки начальственным платочком, а он наглаживает ее по спине, но рука так и норовит сползти пониже. Ощущение крупных неприятностей почувствовала даже моя плоская пятая точка. Лидуся удалилась попудрить носик, а начальник сухо предложил мне зайти к нему через полчаса и тоже удалиться. Я плюхнулась на стул, не зная, что делать, а наши дамы кинулись наперебой давать мне советы.

-Извинись! Скажи, что голова болела, не помнишь, что говорила!

И много чего ещё. Сейчас даже не скажу, кто брякнул:

-Да дай ты ему! Он же ни одной юбки не пропускает! Вот и не сократит! А Лидку ее папик сверху прикроет, все и обойдется!

Глава 2

Что у меня было в голове, не знаю. И я трижды дура, что послушала это все и повелась. Торопливо подновив макияж и брызнув на всякий случай, в некоторых местах духами, двинулась в кабинет начальства. Секретарша, противная и жеманная Наташка, хмыкнула, увидев меня, но пропустила в кабинет.

Начальник, не утруждая себя предложением мне присесть, сухо начал:

-Вы знаете, что у нас идёт реорганизация, и вы попадаете под сокращение кадров. Приказ я сегодня подпишу и отрабатывать две недели не надо. Можете получать документы и расчет.

После этих слов я и решила идти ва-банк. Облизнув, как мне казалось, эротично губы, я начала продвигаться к начальнику, покачивая тем, что у меня отсутствовало - бедрами, и медленно расстёгивая пуговицы офисной блузки. Он вначале ничего не понял, но когда я дошла почти до середины блузки, и в распахе был виден лифчик, понял, вскочил, загораживаясь от меня креслом и вскрикнул:

-Вы что? Вы что себе позволяете? Вы в зеркале себя видели? Да я столько не выпью!

Вот после этих слов я и закаменела. Деловито застегнула блузку, поправила юбку и, как мне казалось, с достоинством вышла из кабинета. Но чаша моего унижения была ещё неполная. Стерва Наташка, смея ради, просто включила связь с кабинетом начальника на полную громкость, и все желающие могли отчётливо услышать все, что хотели.

Так и не сказав никому ни слова, я ушла из этого здания. Дальнейшее уже известно. Теперь вот сидела на кухне и раздумывала, что делать мне дальше. Искать работу надо, да только где найти приличную, по моему профилю? И хватит ли мне денег на жизнь? Небольшие накопления у меня есть, бабуля давно мне откладывала на счёт. Бабушки Марии уже нет на этом свете два года, а я все не могу смириться с ее потерей. Есть ещё бабушкины драгоценности, но это уж если совсем голод будет заглядывать в глаза. Обводя взором нашу небольшую кухню (сталинки всегда были с хорошим метражом, а мы жили как раз в такой, и никакой реновации на нее не предвиделось) я увидела за стеклом горки большую бутылку мартини. Я ее давно купила, почему-то мне тогда показалось таким шикарным - сидеть и пить мартини из бокала с ягодкой. Но так и не сподобилась. А тут, ни с того, ни с сего, решила, что увольнение - хороший повод напиться. И я принялась претворять этот план в жизнь. Все события, следовавшие со мной потом - результат того рокового решения.

На всякий случай, вдруг совсем напьюсь, задала этой полосатой скотине корма, достала свою злополучную бутылку и подходящую, как мне показалось тогда, емкость - рюмку тонкого стекла на высокой ножке с бокалом воронковидной формы. В каком-то фильме вроде бы видела, как в импортном баре красотка томно потягивала мартини из такого бокала, ягодка там ещё какая-то плавала. А, впрочем, неважно, может, я что-то и путаю. Но первую рюмку я выпила по - плебейски, залпом, вовсе даже не смакуя напиток и практически без закуски.

Ну не считать же за таковую засохший месяц назад ломтик сыра и три сырых яйца? Я только сегодня намерена была готовить себе еду на ближайшие несколько дней из замороженных полуфабрикатов, но не сложилось как-то. А из готового в холодильнике была только банка кошачьих консервов для Федьки. Не думаю, что он будет рад такой конкуренции. Но ничего, первая рюмка пролетела, только чуть загло в пустом желудке. Потом я пила ещё, кажется, был сгрызен и мумифицированный сыр, и сырые яйца, во всяком случае, скорлупа от яиц в мойке мне точно помнится. Не могу сказать, после третьей или четвертой рюмки, я начала себя жалеть. Сидела за столом и была, раскачиваясь:

-И чего ж я такая несчастнааая... никто меня не люююбиит, и никому-тооо я в этом мире не нужнаааа...

И пришла мне в голову "гениальная" мысль - раз меня никто не любит и никому я в этом мире не нужна, то я отправлюсь в какой-нибудь другой мир! Где я стану ослепительной красавицей, великой волшебницей, и короли и принцы будут у моих ног. Даа... как сказал Ипполит из "Иронии судьбы" - "Пить надо меньше"!

Но раз я решила, что в другой мир, то в другой мир! О чем и сообщила громко, глядя куда-то в угол между холодильником и стиральной машинкой. Холодильник согласно загудел. А я пошла, собираться на ПМЖ в другой мир, не забыв прихватить и бутылку с мартини, периодически прихлебывая из нее. Собиралась я вдумчиво и тщательно. В свое время я перечитала столько разных книг! С самого детства я любила читать, причем мне было все равно, что читать - про старика Хоттабыча или справочник агронома-овощевода, Толстого или отрывной календарь. "Таинственный остров" Жюль Верна, я зачитала до дыр, это была моя настольная книга. Потом пришел черед детективов, боевиков и фэнтези. Уж про попадание я знала все! Единственное, что мне не полезло никак - это любовные романы. Ну не с моей внешностью грезить о любви! Впрочем, сейчас, в моем состоянии, и эта тема была бы хороша.

Первым делом я выудила из шифоньера большой и объемный чемодан на колесиках с длинной ручкой. Подумав немного, присоединила к нему ещё и спортивную сумку, с которой я раньше, при жизни бабушки Марии, ездила на конный корт, где вяло изображала всадницу, по настоянию бабули. Впрочем, бабуля много на чем настаивала, например, на изучении языков. Английский я и так знала, по долгу службы, так сказать, а вот с французским, как ни билась со мной репетиторы, была беда. Нет, я конечно, могла сказать: "Бонжур"! И "Оревуар" и даже "Же не манж па сис жур". И все! Но самое провальное фиаско ожидало меня на музыкальной стезе. Оказалось, что медведь не просто наступил мне на ухо, а ещё и джигу там сплясал! Рисовать я тоже не умела. От слова совсем. Бабуля все время вздыхала:

-Все немчура проклятый подгадил!

Я охотно поддакивала, и громко распевала, отчаянно фальшивя:

-О, танненбаум, танненбаум!

Петь-то я пела. Только ещё бы и знать, что это такое. Домашнее хозяйство меня также не привлекало, хотя я его знала. В теории. А вот моя бабуля была искусной мастерицей-рукодельницей, она великолепно вязала, а уж как вышивала! Вышитые картины, вышитая отделка для одежды - получались у нее как живые. Кажется, она владела всеми видами вышивки, известными в мире. Некоторым видам она и меня обучила, Но я, пройдя необходимый курс, с облегчением забросила все в дальний угол.

Подкрепив свой дух ещё одним глотком спиртного, я приступила к укладке вещей. Ну, укладка - это громко сказано! На самом деле я просто выгребла с полки все свои труселя и лифчики, оставив на всякий пожарный случай один новый комплект. Туда же последовали теплые зимние колготки и демисезонные. Добавила пару пижам и сорочку. Подумав, кинула ещё кавалерийские лосины, в которых я занималась верховой ездой и которые на моей фигуре очень удачно притворялись галифе.

Далее я призадумалась. А вдруг там, куда я отправлюсь, наша мода на мини и стрейч не в тренде? Тогда лучше взять что-то более консервативное. Было у меня одно платье, которое шили на выпускной бал в академии, вот его и возьму. А ещё у бабули в шкафу есть пара платьев, юбка и блузка в историческом стиле, в них бабуля ходила на встречи Дамского комитета Московского Дворянского Общества. Да-да, не смейтесь, есть у нас и такое! Туда входят потомки дворянских фамилий России. У меня это все вызывало только усмешку, и я там не была ни разу. Нравится бабушке - на здоровье! А меня не трогайте.

Запихнув тряпки, увидела, что место ещё есть. Можно что-то ещё упаковать. Все порядочные попаданки запасаются справочниками, а я чем хуже? Опять взбодрившись живительным напитком, из шкафа с книгами притащила несколько томов. Так-с, что там у нас? Ага, "Книга о здоровой и вкусной пище". Помнится, в детстве я любила рассматривать в ней кра-

сочные картинки. Беру! А эта Молоховец "Подарок молодым хозяйкам". Тоже в кассу. А это откуда у нас - "Справочник садовода - огородника"? Посомневавшись, бросила в чемодан и ее, и "Современное консервирование" следом. Все, книг хватит.

Добавила из ванной запас шампуня, гелей, кремов и прочей лабуды вкупе с парой больших полотенец. Но, опять же, на тот самый пожарный, оставила немного гигиены на полочках в ванной. Все пришлось уплотнять коленом, чтобы чемодан застегнулся. Уфф... устала! Прилечь, что ли? Нет, я же не закончила сборы! Подбадривая себя словами и напитком, взяв сумку, пошла в бабушкину комнату, куда я захожу раз в месяц - пыль погонять. Прошло уже чуть больше двух лет, как не стало бабушки Марии, но мне до сих пор больно, не хватает ее.

Решительно, но уже на нетвердых ногах, прошла к письменному столу, выдвинула ящик, достала шкатулку с бабулиными драгоценностями и, не открывая ее, сунула в сумку. Отдельно, в коробочке, лежали часы, которыми бабушка гордилась, говорила, что они передаются в семье по наследству. Небольшие дамские часики в золотом корпусе, без верхней крышки, с петелькой сверху, за которую часики пристегивались к бабулиной блузке, в кружевах и рюшах. Тоже добавила к шкатулке. Теперь осталось последнее. Выгребала из шкафа с рукоделием я все - в сумку летели нитки для вышивки, ленты, бисер, стразы, иглы, ножницы, пяльцы, тканевые лоскуты с готовыми схемами для вышивок, следом летели спицы, мотки пряжи всех видов и расцветок. Сумка застегнулась с угрожающим треском. Хотя она и была не тяжёлая, но волокла я ее по полу, силы мои явно заканчивались. Я было подумала, что надо, как всем попаданкам, взять ещё тёрку и мясорубку, но эта мысль как-то ушла прочь, не оставив следа. Я и не возражала. Осталось одеть саму себя. Ооо, а еще послание потомкам оставить не забыть!

Подбадриваемая патриотической песней "Последний бой, он трудный самый!" и с сожалением поглядывая на бутылку, где ещё немного болталось на дне мартины, начала одеваться. Вначале натянула джинсы, мешковато болтающиеся на мне, свитер с высоким воротом и вынула из шкафа предмет своей тайной гордости и почти двухмесячного вынужденного поста (деньги копила!) - серебристо-голубую норковую шубку фасона "Автоледи".

Очень мне ее хотелось, вот и купила. Авто у меня не было, а шуба была. Пусть думают, что и авто у меня есть тоже. На ноги пришлось надеть прошлогодние ботинки на толстой "тракторной" подошве, поскольку модничие ботиночки на невысоком каблучке я уже запихнула в чемодан вместе с парой балеток. Ботинки решительно не подходили к шубке, впрочем, и джинсы тоже. Но я махнула на это рукой. Свалив в кучу в гостиную сумку и чемодан, огляделась - не забыла ли чего? Точно! В дамскую сумочку поместились паспорт, пачка салфеток, ключи, телефон, кошелек с банковскими картами и пачкой денег - бухгалтерии некогда было переводить мне расчет через банк, и они выдали мне деньги из кассы, кэшем. Вроде все.

И тут в гостиную важно прошествовал Фёдор. Боже, я чуть не забыла кота! Как же он тут, без меня, он же умрет от голода! Бросив маленькую сумочку на ковер, подхватила кота и, зажав его извивающуюся тушку одной рукой, решила, по русскому обычаю, выпить "на посошок". Чтобы освободить тару. Это меня и подкосило окончательно. Проглотив последние капли, я вцепилась свободной рукой сразу за ручку чемодана и за ручку сумки, задрала голову к потолку и крикнула: "Я готова"!

И не удержалась на ногах. Последнее, что помню, это то, что я падаю лицом вниз, прямо на свои вещи и истошный, полузадушенный вопль кота. Все, аут!

Глава 3

Другой мир - Лиза 1

Просыпалась я медленно и неохотно. Какой-то гад затеял в моей голове локальную войнушку, стрельба шла из разных видов оружия - от одиночных, раскатистых выстрелов из дробовика, до стрельбы очередями из автомата. Иногда бухали орудия калибром не меньше гаубицы. Все это перемежалось разноцветными фейерверками со снопами искр. Во рту ощущались явные признаки ночёвки кавалерийского эскадрона. Причем вместе с сапогами и конями. При попытке даже не открыть глаза, а только при одной мысли об этом, интенсивность стрельбы усиливалась до двух батарей залпового огня "Град". Наконец, я смогла сосредоточиться на одной мысли: "И где и с какой радости я могла так надраться в зюю? И вообще, где я"? Как говорится - "К черту подробности, страна какая"? Потому что мне шло явное восприятие определенной неправильности, может, я и в самом деле улетела в какой-нибудь Занзибар? Не всем же из бани в Ленинград летать на третью улицу Строителей?

И тут я поняла ещё одно - я лежу на чем-то твердом, в одежде, и меня что-то (или кто-то?) периодически больно кусает то за руку, то за ногу. При этом хорошо различался злобный шипящий голос:

-Вставай, сколько можно тебя будить! Разлеглась тут, понимаешшшш! Скоро классная дама придет, а ты тут до сих пор валяешшшш! Как пакостить, так ты первая, а как выруливать надо, так она спит, видите ли! Вставай, дурища!

Я попыталась вяло возразить невидимому хулителю:

-И чего это я дурища?

Откровенно говоря, получалось плохо, я едва могла сипеть, пересохшее горло отказывалось решительно произносить какие-то звуки, только и смогла просипеть:

-Воды дайте!

Тот же противный голос передразнил:

-Воды ей! А рассольчику не надо? Слыхала, что пьющая мать - горе в семье? Вставай, пока не поздно!

В мою бессильную руку ткнулось что-то холодное и мокрое. "Вода" - мудро догадалась я. Поднять голову не могла, поэтому перекатилась вся на бок, и вот в таком положении выпила весь стакан воды. Хорошо-то как! Вот теперь можно и подремать. Но не тут-то было! Теперь меня укусили за филей, ну, или за то место, где он в теории должен находиться. Я взвизгнула от возмущения и даже смогла открыть глаза. Лежа на боку, я видела длинный ряд пустых кроватей, заправленных строго, как в армии (так показывали в какой-то программе про армию по ТВ). Голый дощатый пол, крашеный отвратительной коричневой краской, высоченное окно, с такими же коричневыми портьерами. Тумбочки у изголовья кроватей. Я что, в армию попала, поэтому у меня стрельба в голове? Но шипящий голос не дал додумать мне эту ценную мысль.

-Да вставай же ты, дура! Сейчас точно попалимся ведь!

Я превозмогла себя, и кое-как, со стонами и кряхтеньем собрала себя в кучку и смогла сесть на кровати. Что ж она жесткая-то такая? Как на досках лежала! Скосила глаза в сторону моего неведомого собеседника. На кровати сидел мой кот Фиодор. Увидев мой охрен... пардон, изумлённый взгляд, прошипел:

-Че смотришь? Живо вставай да переодевайся, а то сразу нас с тобой и попрут по Тайным канцеляриям!

Все, я точно в дурке! С котом разговариваю! А что? Некоторые, я слыхала, с инопланетянами беседуют или с зелёными чертиками, а я с котом! Видимо, я сказала это вслух, потому что Федька сожалеюще сказал:

-Да лучше бы в дурке ты была! Меньше проблем было бы. Кто вчера пьяный орал: "Хочу в другой мир"?! Вот, получите, распишитесь! И давай, пошевеливайся, времени почти нет. Вон одежда лежит, переодевайся, а я пока твои шмотки спрячу.

Мыслительные процессы в моей голове предпочли самоликвидироваться, поэтому я беспрекословно встала и, пошатываясь слегка, начала автоматически стягивать с себя джинсы, свитер, носки... шубку. А ботинок на мне уже не было. Поймав мой молчаливо вопрошающий взгляд, кот сказал:

-Да стянул я их с тебя кое-как! Пока вон в чемодан едва запихнул.

Одеваемся. На кровати и впрямь лежало какое-то несуразное сооружение из лент и каких-то твердых пластин, обшитых тканью, и длинное серое платье с узким белым воротничком с рядом мелких пуговиц спереди. Я покрутила сооружение в руках, ничего не поняла, отбросила его. Платье село точно по моей фигуре, как будто на меня и шили. Кот задумчиво протянул:

-Нуу... и в самом деле, на фи́га тебе корсет? Что там утягивать? А теперь вон чулки натягивай и вон те тапки!

И какие тут могут быть мысли у меня, если меня воспитывал кот, причем словами человеческими, правда, больше возмущенно шипел. Но это не отменяет того факта, что кот разговаривает.

Продолжаем одеваться. Так, теперь чулки, ага. Верно, на кровати лежали нитяные чулки с какими-то лентами. Подвязки, что ли? Путаясь во всем этом великолепии, кое-как напялила этот галантерейный шедевр на ноги и завязала выше колена, отчаянно надеясь, что все это не свалится с меня в самый неподходящий момент. Тапками Федька обозвал выглядывающие из-под кровати матерчатые туфли без каблуков, держащиеся на стопах благодаря все тем же лентам. Прям ленточное царство какое-то!

-А теперь расчешись, горе ты мое! Вот же дал Бог хозяйку!

Небольшое зеркало висело на двери комнаты. С гребешком в руке я подошла к нему и не заорала только в силу полного отупения. Вот это что? То есть кто? Это я, что ли? Ой, мама, чудище-то какое!

В зеркале отражалось нечто лохматое до невозможности, опухшее до узких, монголоидных глаз, красное лицо и такой же опухший и красный нос. С грехом пополам и с клоками выдранных волос, мне удалось пригладить ту копну соломы, что у нас волосами зовётся. Нашлись и несколько простых металлических шпилек. Скрутив пучок волос на затылке и закрепив его шпильками, я ещё раз посмотрела в зеркало. Нет, это точно всё-таки я, только опухшая до изумления. Да, пить надо меньше. Только я успела отойти от двери, как она распахнулась и на пороге комнаты появилась сухопарая женская особь неопределенного возраста, в таком же сером платье, только украшенном кружевным жабо и таким же воротником. На носу строго сидело пенсне и холодно поблескивало стеклами. Дама строгим голосом произнесла:

-Мадмуазель Арсентьева, вам следует немедленно пройти в кабинет директрисы института графини Мазулевич. Следуйте за мной!

И повернулась к выходу. Я растерянно оглянулась на Федьку, он успокаивающе махнул лапой - иди уж, мол!

И я пошла. Путаясь в подоле длинного платья, стараясь не наступить на таки развязавшуюся ленту одного "тапка", спотыкаясь через шаг. Мы шли длинными коридорами, пустыми и гулкими, с тянущимися вдоль одной стороны дверями каких-то кабинетов. Я украдкой бросила взгляд в окно, мимо которого мы сейчас проходили. За окном точно была зима, голые ветки деревьев четко прорисованы на фоне серого неба, вдалеке виднелась ажурная ограда и какие-то здания, не разглядеть их толком отсюда. Больше похоже на Питер, чем на Москву. В общем, все страньше и страньше, как говорила одна небезызвестная героиня Кэррола.

Наконец, мы поднялись на один этаж выше. Здесь было теплее, чем там, где я очнулась, на стенах висели живописные полотна и портреты каких-то напыщенных личностей в старинных костюмах, а перед кабинетом директрисы даже ковер лежал на полу. Постучавшись, дама вошла в кабинет, подтолкнув меня так, что я чуть не растянулась на полу. Затем она присела в реверансе, больно ткнув меня острым локтем прямо в ребра. Я тоже быстро изобразила какую-то позицию, будто я собралась плясать тарантеллу. Хорошо, длинное платье скрыло мои заплетавшиеся ноги. Правда, выходя из этой позиции, я все-таки начала заваливаться вбок, но своевременный очередной тычок вернул меня в вертикальное положение. Пока дама докладывала о моем появлении, я постаралась незаметно оглядеться. Кабинет казался темным из-за перегруженности его темной, массивной мебелью, душным из-за нескольких ковров и резкого запаха лампадного масла из тихо кутившейся лампы в углу с несколькими иконами.

За письменным столом сидела дама в возрасте, но выглядевшая довольно молодо. Белокурые волосы взбиты и уложены в высокую прическу. Шёлковое платье с небольшим декольте и пышными рукавами до локтей. На шее украшений нет, но серьги в ушах и перстни на пальцах имелись.

-Подойди поближе, дитя мое! Присаживайся!

Голос у директрисы был мягким и ласковым. Я насторожилась. Никогда не доверяла таким голосам, но послушно подошла и присела на краешек вычурного креслица с тонкими гнутыми ножками, прямо стиль ампира какой-то. А, может, и барокко, я в этих стилях, как свинья в апельсинах, разбираюсь. Тем временем директриса продолжала тем же голосом:

-Мадмуазель Арсентьева, вынуждена с прискорбием вам сообщить, что мы получили известие от приказчика вашего отца. Ваш батюшка, Иван Сергеевич Арсентьев, скончался две недели тому назад, и вам надлежит явиться в ваше поместье в Курской губернии. Так же сообщая, поскольку ваше обучение в нашем институте было оплачено вашим батюшкой по первое число сего месяца, то мы вынуждены вас отчислить из состава пансионеров института с сегодняшнего дня. Подорожную и билеты на проезд по железной дороге до Курска вам выдадут, так как они были заранее оплачены господином Арсентьевым. Надеюсь, у вас все будет хорошо. И впредь рекомендую придерживаться в своем поведении высоких норм нашего института. Ваша вчерашняя выходка с распитием керосина из осветительной лампы - это выходит за все рамки приличия. Не стоит травиться керосином, это не поможет. Можете идти, документы вам принесет ваша классная дама Елизара Леопольдовна, подождёте ее в своем дортуаре.

Я молча повернулась и вышла, совсем не озаботившись реверансом и не реагируя на сердитое шипение вышепоименованной Елизары. Судорожно пыталась вспомнить дорогу обратно до той комнаты, где остались мои вещи и мой кот. Дортуар, то есть. Почему-то это название у меня ассоциировалось с туалетом. Боже, о чем я вообще думаю? Мне надо скорей домой попасть, а я о туалетах думаю. Наверное, потому, что сейчас я четко осознала - я туда хочу! И если не попаду туда в ближайшие минуты - быть конфузу!

Глава 4

Конфуз! Конфуз! Пропадаю! И вот, когда я уже отчаялась найти заветные дверцы с буквами "ЭМ" и "ЖО", увидела в конце длинного пустого коридора девчонку, которая с ведром и щеткой что-то там надраивала. Неслась я к ней, как к острову последней надежды, на всех парах, паруся юбкой несуразного платья. Подлетая к ней и не переводя духа выпалила:

-Драсти, скажите, где здесь туалетная комната??

Девчонка смотрела на меня, разинув рот. С ней, что, никогда не здоровались? Или она редко видала таких красивых барышень? Но, видимо, что-то угрожающее ее здоровью и целостности организма она таки узрела в моем огненном взоре, ибо испуганно шарахнулась в сторону и пролепетала растерянно:

-Так вот, туточки, как повернете направо по коридору, и будет туалетная комната...

- Туточки, тамочки... - злобно бурчала я, несясь за тот заветный поворот.

Никогда так быстро не бегала, даже когда нашему главе холдинга вздумалось приобщить весь коллектив к здоровому образу жизни и выгнать нас всех на стадион для сдачи нормативов ГТО. Влетев в помещение, увидела длинный ряд кабинок с закрывающимися дверцами. Быстро заняв одну из них, я с облегчением присела. Как хорошо, что я не надела все эти старинные пыточные сооружения! Мне и этих клятых лент хватило. Кстати, надо завязать тапочек, а то точно где-нибудь упаду. Только едва успела привести себя в относительный порядок, как послышались голоса, и в туалет впорхнула стайка хохочущих девчонок. Я хотела было с независимым видом выйти и прошествовал мимо них, как услышала свое имя, насторожилась и затихла, как мышь под веником.

-Ах, мадмузели, слышали ли вы о происшествии в шестом классе вчера вечером?

-Китти, просим, просим вас, расскажите!

-Так вот, мамзели, мне сегодня утром под большим секретом рассказала Полин, она ведь дружна с Зизи. На прошлом балу в нашем институте был двоюродный брат Зизи, кавалергард Павлоградского полка. Ах, девочки, он такой красавчик!!! Зизи стало жалко Арсентьеву, она все время у стены стояла, ясно, кто ж такую страшилу пригласит. Вот Зизи и попросила кузена, чтобы он один танец станцевал с нею. Он так и сделал. А эта дурочка влюбилась в него! Письма ему начала писать с чувствами. Он вначале Зизи пожаловался, а вчера пришел в институт в часы посещений и вызвал ее в комнату для посетителей. Отдал ей ее письма и сказал, что не может ответить на ее чувства, так как даже не помнит ее совершенно! Там ещё были мамзели с посетителями, все слышали. Арсентьева выскочила как ошпаренная, а вечером в дортуре взяла и выпила керосина из осветительной лампы! Все всполошились, Елизара Леопольдовна отправила за доктором, он с ней что-то делал, а потом она ревела всю ночь! Ах, мадмузель, я просто не понимаю, как могут такие уродины мечтать о любви красавцев! Сидишь в своей деревне и сиди дальше. Бог даст, выдадут замуж за соседа подходящего, а то захотела!

Девчонки загалдели что-то обвиняюще-одобряющее, но тут раздался звонок, и девы умчались. Я сидела в этом закутке, ни жива, ни мертва. Поскольку это точно не могла быть я, то, выходит, я попала на место двойника? Или это всё-таки чей-то жестокий розыгрыш? Мало ли, наняли актёров... да только кому это надо? Такого папочки у меня нет, да и я не отношусь к мажорам ни с какого боку, в общем, не понимаю я пока ничего.

До своей комнаты я, на удивление, добрела быстро и без ошибок. Плюхнулась на кровать, ещё раз взыв от ушибленного о доски кровати филея. Из-под кровати выбрался мой Фиодор, сел копилкой и уставился молча на меня.

-Представляешь, выперли меня из института! Даже не знаю, из какого именно!

-Выйдешь на улицу, на табличку посмотри и прочитай - меланхолично посоветовал кот. Вот у кого спокойствия через край.

-И повод, оказывается, есть подходящий - папаша померли две недели тому назад, надо ехать в деревню, имение принимать. Или какое там ещё наследство, не знаю. Директриса сказала, что документы принесут и билеты на поезд тоже. Слушай, а что, железка уже есть здесь? И вообще, год какой? И где мы? Или это розыгрыш чей-то дурацкий? Или я перепилась и теперь с белой горячкой в дурке, а, Фигдор? Ещё и с тобой беседы веду.

Кот оторвался от созерцания чистоты растопыренной лапы и так же меланхолично ответил:

-И никакой не розыгрыш. Кто вчера просился в другой мир? Вот и допросилась, услышали тебя! Только волшебник - недоучка тебе попался, попала ты мало лет на сто пятьдесят назад, так ещё и в альтернативную Россию, не все здесь, как в нашей действительности. И меня зачем прихватила? Я же не просился с тобой! Мне бы и там было хорошо! Ну не говорил, так мне и не надо было. А теперь вот возись пожизненно с тобой, горяшко ты мое! Это хорошо, что нас выперли, иначе ты бы и тут дел натворила. А так поедем скорей отсюда. В деревню, в глушь, в Саратов, к тётке!

-Грибоедов, "Горе от ума" - машинально ответила я - Нет, Федя, не в Саратов, в Курск мы едем, слушать курских соловьев!

-Ага, зимой! - поддакнул кот - Ты бы лучше свой сундучок вытаскивала из шкафа, да наряды бы перебрала, может, что-то из нарядов той Лизы тебе и пригодится.

В стене дортуара была ещё одна дверь, наверное, там и была кладовая с вещами пансионеров института, но на полдороге остановилась, обернулась и посмотрела на Фигдора.

-А кстати, где она сейчас, та Лиза?

Кот равнодушно, как-то по-кошачьи, пожал плечами.

-Не знаю, в Москве, наверное, в твоей квартире, в себя приходит после керосина. А может еще где. Знать нам это не дано.

Нашла я сундучок в самом нижнем ряду сундуков других пансионеров, синими чернилами там было крупно выведено "Е. И. Арсентьева". Теперь получается, что мой. Пока вытаскивала его из груды таких же, ухитрилась с грохотом уронить всю стопу сундуков. Хотела быстро все убрать за собой, но потом разозлилась и не стала убирать, только быстро захлопнула за собою двери в кладовую. Вот уверена - противные девчонки нарочно запихнули сундук бедной Лизы в самый нижний ряд. Встречала я таких "добрых подруг" - сообща, по велению своего лидера, способны заклевать кого-угодно, не то, что закомплексованную провинциальную девчонку. Открыла сундучок, поставив его на свою кровать. Мда, негусто! Явно, семья Лизы-2 не из самых богатых. Одежда чистая, аккуратная, но явно ношена не первый год. Хотя ткани качественные, добротные. То есть, когда-то семья не бедствовала, а сейчас испытывает не лучшие времена. Перебрала все вещи, нашла пару платьев, которые ещё можно надеть без особого стыда, вечернее одно, длинную юбку, дорожное платье. Вот его отложила сразу в сторону, я надена в дорогу. Белье и чулки с тапками просто выброшу, их я не надена ни за что! Фигдор, внимательно следивший за моими действиями, вдруг насторожился и юркнул под кровать, сообщив мне: "Елизара идёт!". Я выпрямилась и стала ждать классную даму. И действительно, буквально через полминуты она вошла в дортуар.

-Мадмуазель Арсентьева, вот ваши документы, подорожная и билеты на железную дорогу. Вначале вы поедете в Москву, а оттуда поездом до Курска. Движение поездов открыли два месяца назад, так что вам повезло - не надо трястись в общих экипажах десять дней. Через час вас будет ждать у ворот наш институтский экипаж, он увезет вас на вокзал, кучер проследит, чтобы вы сели в поезд. Желаю вам счастливого пути!

С этими словами она повернулась и вышла. Ничего себе! Это они что, боятся, что я не уеду, что ли? И вообще, какой нынче год на дворе? Директриса, когда сообщала о смерти батюшки, то вроде говорила, что скончался он в ноябре 1862 года. А движение поездов до Курска открыли, если мне не изменяет память, в 1868 году. Помню потому, что на четвер-

том курсе писала курсовую работу на тему анализа экономической ситуации, приведшей к закрытию Коренной ярмарки в Курской губернии. Ярмарка эта имела всероссийское значение, и главной из причин ее закрытия и стало как раз появление железной дороги до Курска. Видимо, всё-таки альтернативная реальность. И эта Лиза вовсе не относится к моим предкам. Но об этом подумаю потом. А пока я сменила собственное белье на свое же чистое, натянула теплые колготки на ноги. Как же хорошо! Не то, что это ленточное чудовище! Теперь дорожное платье Лизы и мои собственные ботиночки на невысоком каблучке. Теперь надо провести восстановительно-ремонтные работы своей внешности. Нельзя сказать, что я великий мастер мейкапа, но кое-что поправить могу. Для начала расчесала эту жуть на голове, скрутила старозаветную халу, заколов ее своими собственными шпильками с цветными камушками, отнюдь не драгоценности, стекло. На лице где-то затонировала, где-то припудрила, вроде ничего так. Совсем чуть туши и карандаша, тонкая полоска голубых теней по самому краешку верхнего века, чтобы подчеркнуть голубые глаза, самую чуть румян на скулы, розовый блеск на губы и капелька духов. Да я красотка! Быстро собрав ненужную одежду и старомодное белье в небольшой узел, я выскользнула за дверь, огляделась - вроде никого. Только давнишняя девчонка перебралась на этот этаж и теперь терла пол в дальнем краю коридора. Подбежав к ней, я сунула ей в руки узел и, пробормотав: "Это тебе, носи на здоровье"! - вернулась в спальню. Время уже выходило. Быстро разбросав вещи из сумки в сундучок, сунула туда же сумку и кота, поставившись неплотно закрыть крышку. Своих перчаток у меня почему-то не было. Ах, да, они же остались в Москве вместе с моей дамской сумочкой! Пришлось взять перчатки Лизы и ее же шляпку - этакую нашлепку на волосы с наклоном вперед на лоб. Мда, в декабре самое оно. Лучше бы платок пуховый был у нее в сундуке. Вроде все. Надела свою шубку, она с длинным платьем смотрелась даже аутентично для этих времён. Двери дортуара опять распахнулись (да что же это такое, не спальня, а проходной двор какой-то!) и в комнату со смехом и шумом влетела стайка девиц в таких же платьях, какое было на мне до этого. Вероятно, однокурсницы Лизы.

Увидев меня, они замерли в недоумении, разглядывая мой наряд, преобразившееся лицо. Я сделала самый надменный взгляд из своего арсенала взглядов (кто знал бы, сколько часов я провела перед зеркалом, репетируя разные взгляды и выражения лица! Смело могла бы поступать в Щепкинское училище!). Наконец, одна из девиц побойчее, верно, та самая Зизи, подошла ко мне, обошла меня по кругу.

-Арсентьева, откуда столь богатые наряды? Да и с лицом у тебя что-то не то...

Она помахала рукой перед своим лицом. Я, не меняя надменного выражения лица, съязвила:

-Неужто подурнела? Тогда оставляю вам всех своих безутешных поклонников, авось кому-нибудь из вас и повезет!

Разгореться новому скандалу с возможными элементами драки, помешал деликатный стук в дверь и мужской голос в коридоре.

-Барышня Арсентьева, я жду ваши вещи, ехать пора!

Видимо, это тот самый кучер, который должен отконвоировать меня на поезд. Я гордо прошествовала мимо остолебеневших девиц, таща в одной руке сундучок с котом, а другой рукой за ручку везла свой собственный чемодан на колесиках, хорошо, хоть не розовый. А то был у меня тупой порыв купить именно розовый. Ну и пусть увидят этот чемодан, меня ведь все равно уже здесь не будет, а потом и забудут. Дверь дортуара я просто открыла пинком ноги, руки были заняты. Вручив кучеру сундук, я самостоятельно двинулась с чемоданом в направлении лестниц, интуиция мне подсказывала, что выход там.

Кстати, табличка на выходе гласила, что я покидаю Его императорского величества Павловский институт благородных девиц. О как! Даа... это вам не профтехучилище широкого профиля номер два...

Глава 5

На вокзале было шумно, толкались лоточники с разным товаром, перекрикивали всех извозчики, приглашая желающих проехать в коляске, волновались пассажиры совсем уж экономных классов - хватит ли им мест в вагоне. Публика почище чинно прогуливалась по перрону в ожидании поезда. До Москвы поезда уже ходили более десяти лет, так что народ немного попривык к этой диковинке. Кучер доставил мои вещи на перрон дебаркадера, куда как раз подали состав. Но отправляться поезд будет только через час.

Бедная публика кинулась к своим вагонам, состоятельная публика спокойно ожидала, когда носильщики или слуги доставят их вещи в купе. Но я не стала ожидать на перроне и пошла следом за кучером, неся сундучок с моим драгоценным котом. Устройство купейного вагона было мне знакомо и незнакомо одновременно. Двери купе были открывающиеся нараспашку в коридор, а не отъезжающие по направляющим, в купе было всего два дивана, но отдельный шкаф для вещей, окно, конечно, не открывалось, небольшой столик между диванами. Кучер поставил мои вещи в шкаф и теперь маялся у двери, не зная как поступить - ему было велено посадить меня в вагон, но не сказано, дожидаться ли отправления поезда. Я милостиво обратилась к нему:

-Любезный! Вы уже выполнили ваше поручение, доставили на вокзал и помогли сесть в вагон, благодарю вас, и можете быть свободны! Состав скоро отправится, так что можете ехать обратно в институт!

Кучер обрадованно закивал, шаркнул ножкой на прощание и вышел. Следом в купе, постучавшись, заглянул смотритель вагона, то есть, по современному, проводник. Взял мой билет до Москвы, сообщил, что прибудем в первопрестольную завтра, в двенадцать часов пополудни. В купе поеду я одна, второе место осталось свободным. Как только состав отправится, он принесет подушку и одеяло, а также керосиновую лампу. Ежели я желаю освежиться, умывальное купе есть в конце вагона, а ключ от него у смотрителя, он мне его откроет. Я спросила, когда отправится состав. Оказалось, ещё полчаса до отправления. Смотритель вышел, а я первым делом выпустила из сундука кота.

-Уфф... я уже думал, все, задохнусь там, пока ты треплешься со всеми тут. И пропадет бедный Фиодорчик ни за что, ни за один мявчик. Жрать хочу! - без всякого перехода заявил мне этот нахал.

Я вздохнула. Есть хотела и я. Вчера, в силу расстройства, я не ела, утром было точно не до еды, а обед благополучно пропустила в сборах и поездке на вокзал. О чем и сообщила коту, добавив, что и не знаю, есть ли у меня деньги.

Котофей весьма выразительно покрутил лапкой у виска и сказал.

-А посмотреть в том пакете, что тебе Елизара дала, не судьба?

Это верно, не сообразила. Тут же запустила руку в пакет, вытащила ещё один билет из Москвы до Курска, который надо будет отметить на вокзале в Москве, подорожную, где было написано, что девица Арсентьева Елизавета Ивановна, следует из Петербурга в Курск по наследственным делам. Ещё там была бумага, удостоверяющая мою личность. Паспорт, в общем. Все. Я с огорчением отбросила пустой пакет, там что-то глухо звякнуло. Я обрадованно потрясла пакет над столом, из него выпало несколько монет, одна серебряная, в пятьдесят копеек и несколько медяшек. Очень негусто. Кот тоже вздохнул.

-Ладно, время ещё есть, беги на Знаменскую площадь, купи хоть какой еды у лоточников. Я тут посижу.

Долго я не заставила себя уговаривать, жалобное ворчание пустого желудка очень стимулировало мою скорость передвижения. Поскольку я не снимала верхнюю одежду, а только перчатки, то и сборы были коротки. Выскочив из вагона, я практически бегом припустила на Зна-

менку. Лоточники, разумеется, никуда не делись, так же зазывали покупателей. Я подскочила к ближайшему. У него были только пироги, на копейку я купила три пирога, два с мясом, один с капустой. Но этого нам с Федькой маловато будет, ему бы мяса какого, и пить бы чего. Тут до моего обоняния донёлся дразнящий аромат жареной курицы. Проглотив голодную слюну, я огляделась. Кур продавала бойкая молодушка. И стоили они дороже пирогов. За курицу заплатила целый пятак, но в качестве бонуса мне досталась небольшая баклажка с морсом. Кое-как уместив всю купленную снедь в руках, я рванула назад, так как слышала уже сигнальный колокол. Да, свой рекорд по бегу при сдаче ГТО я побил точно. В вагон я влетела с последним ударом колокола. Но дыхания не хватало для слов, и я только кивнула смотрителю, когда он запирает за мной двери вагона.

Полужинав и оставив немного на утро, сходили в туалетное купе "освежиться". Как несчастный котей пристраивался на горшок - отдельная скорбная повесть, но справились, кое-как. Постелив себе постель, прикрутила фитилёк керосиновой лампы на самый минимум, я устроилась на ночь. Прижала к себе теплую, пушистую тушку кота, я вдруг тихо заплакала. День хорохорилась, пыталась понять и принять свое попаданство, а вот сейчас, одна, в темном купе, в далёком мире и далёком прошлом, едущая неизвестно куда и зачем... мне было страшно, что уж там выпендриваться. И только одно родное, знакомое существо сейчас успокаивающе мурчало у меня под ухом, аккуратно вытирая мягкой лапкой слезы с моего лица.

Так мы и заснули, в обнимку с Федькой. Проснулись, когда занимался поздний зимний рассвет. Может, ещё бы подремали под теплым одеялом, но природа брала свое и у меня, и у Фиодора, да так, зараза, настойчиво брала, что лежать уже не было никаких сил. Трясаясь от стылого воздуха, торопливо натянула платье, сунула босые ноги в ботинки (все равно под этим длинным подолом не видно никому!), нашла какую-то шаль в багаже прошлой Лизы, и зябко кутаясь в нее, там же спрятав кота, который сердито шипел мне из глубин шали:

-Смотри, не задуши! Прошлый раз едва выжил, так опять удушить хочешь!

Под это позитивное шипение поплелась к смотрителю за ключом от туалетного купе. Возле кладовочки смотрителя весело потрескивала полешками маленькая печурочка, и было тепло. По всему вагону отопление не было предусмотрено, далеко до таких вагонов ещё, минимум лет сто. Прямо даже хотелось постоять тут немного, погреться. Но природа... да. В туалетной комнате, где царил лютый холод, кое-как выполнив зов природы, пробурчав себе под нос: "Здравствуй, аднексит!", поплескала себе в лицо ледяной водичкой из рукомойника и заклацав от этой процедуры зубами, подождала Фиодора с его природой, и выползли в относительно теплый коридор. Отдавая ключ, увидела, что смотритель пьет чай из кружки, горячий, аж пар идёт. Бросила завистливый взгляд на кружку. Да, кипяточку бы сейчас! Правильно поняв мой взгляд, смотритель сказал:

-Чайку желаете? С сахаром? Желаете у себя в купе выпить чайку? Так я сейчас принесу! Всего одна копейка!

Я согласно кивнула головой и поплелась к себе. Ничо себе расценочки! Я за копейку три пирога купила! А тут кружка чая! Но что поделать, других вариантов просто не было. Пока шла, лихорадочно вспоминала - а не завалилась ли где у меня одна копейка после вчерашнего разгула провиантского? Полтинник было жалко до слез, единственная стоящая денга у меня. Лихорадочно обшарив тот конверт, я, о, счастье! нашла монетку в одну копейку. Она завалилась между сложенной подорожной и поэтому не гремела.

-Живем! - сообщила я коту - Счас чайку попьем, у нас ещё один пирог есть, с капустой, и кусок курицы!

Кот тут же оживился.

-Чур, курица мне, а весь пирог, так и быть, ты одна съешь. Я капусту не люблю, ты же знаешь!

Но и я энтузиазма насчёт капусты не выразила. Но тут Федька, спохватившись, загрузил меня информацией к размышлению:

-Ты бы, Лизетт, спросила у смотрителя, во сколько поезд до Курска и сколько часов идёт он туда?

Это точно. Ведь мне ещё в Курске надо кого-то найти, где-то в конверте лежала бумага с адресом и фамилией, я уже успела об этом забыть. В дверь купе постучали деликатно, кот шустро юркнул за мою спину, закопавшись в одеяло.

В купе вошёл смотритель, держа в руке кружку с чаем, в другой руке было блюдечко с мелко наколотым сахаром желтоватого цвета и ложечкой. Я с благодарностью взяла принесенное, подав взамен копейку. Смотритель хотел было уйти, но я его окликнула.

-Скажите, уважаемый, вы знаете, во сколько отправляется состав до Курска? И сколько часов он туда идёт?

Смотритель задумался на минуту, потом сказал:

-Идет состав до Курска столько же, сколько мы едем из Петербурга в Москву. Только сегодня поезда туда нет. Сегодня же среда, значит, завтра будет. Так пассажиры, кому в ту сторону и день не совпадает, обычно останавливаются в заезжей гостинице, али в номерах. А потом уж и едут, куда надобно.

Он поклонился и вышел. А мы с вылезшим Федькой уставились друг на друга, открыв рот. Даа... вот такой подлянки мы не ожидали. Где деньги, Зин? На номера эти самые, на пропитание... впору встать с протянутой рукой на паперти. Вот как раз тут мои "Же не манж па сис жур" и пригодятся! Я нервно хихикнула, отпивая чай. Который подозрительно отдавал пареным веником. Хрустнув рафинадом, ещё сделала приличный глоток. Как говорила моя бабушка Мария в аналогичных случаях: "Если глаза закрыть, то есть можно"!

При мысли о будущем голодном и холодном существовании есть захотелось ещё сильнее. Поэтому волевым решением постановила - остатки курицы делим пополам, пирог тоже, но капусту из Федькиной доли я выковыриваю. Пусть тесто ест. Котофей скривился, но не возражал. Уж лучше тесто, чем ничего. Потрапезничали, и тут Фиодору пришла в голову мысль, очевидно навеянная творческим обсасыванием куриной косточки.

-А ведь сейчас уже ломбарды должны быть! Ну и чего ты паришься? Продай побрякушку, какую, да и все!

Тут я заупрячилась.

- Бабулины драгоценности не продам! И свои жалко!

Хотя из своих и было-то у меня только что цепочка с крестиком крестильным, да сережки с александритами. А их, кажется, нашли гораздо позже этого времени... но и кот был не лыком шит, тут же новую идею выдвинул:

-Ты, когда выгребала все у бабки, не смотрела, может, там и готовые какие вышивки были? Их ведь тоже можно продать!

Честно говоря, я вообще те свои действия крайне смутно помню, если не сказать, что вовсе не помню. Поэтому, вытащив сундук из глубин багажного шкафа, мы с котом начали увлеченно перебирать его содержимое.

Оказывается, я гребла и в самом деле, не глядя, точнее, что увидела - то сгребла в сумку, что не увидела с пьяных глаз - то мирно осталось лежать в шкафу. Среди бабушкиного рукоделия обнаружилось несколько готовых вещей - три воротничка, выполненные в технике "ришелье", и пара заготовок для белых женских блузок с веточками ландыша и сирени, на другой, выполненные в технике французского узелка. Мне даже стало жаль продавать такую красоту, но есть хотелось сильнее. И ночевать под забором опасно. И вокзал ночью закрыт, поскольку ночью поезда не прибывали, не было ещё столько маршрутов. Сразу отложив выбранные к продаже вещи в отдельную маленькую сумочку, убрала все назад. А тут и время подошло собирать свои вещи, одеваться на выход. Заодно посетили вместе с Федькой туалетную комнату,

неизвестно когда сможем воспользоваться удобствами. Вытащила вещи из шкафа, кот пока пристроился на столике, глядя в окно, смотрела и я.

Пока ничего похожего на окрестности Ленинградского вокзала не наблюдалось. Стало немного грустно. Если честно, то сегодня утром я просыпалась с надеждой, что вот сейчас открою глаза, а там за окном современная Москва и я возвращаюсь домой из командировки, а все остальное мне просто приснилось. Но увы! Не случилось. Сейчас за окном тянулись какие-то домишки в сугробах снега, потом черные от копоти паровозов станционные сараи и другие постройки, и вот состав втягивается под крытый дебаркадер. Громко лязгнув колесами и прогудев паровозным гудком, состав остановился. Я немного подождала, пока выйдут мои попутчики - солидная матрона со служанкой, семейство с детьми, важный господин с дорожным сундуком, подхватила свои вещи и тоже двинулась к выходу.

Глава 6

Смотритель вагона протирал тряпкой поручни и подавал руку дамам. Толкались и кричали суетливые носильщики с бляхами на фартуках, прогуливалась "чистая" встречающая публика. Со стороны общих вагонов валила толпа разночинной публики. Переждав первую суету, перехватив удобнее сундук, где притаился и кот, взяв за ручку чемодан, пошла в здание вокзала. Надо же узнать про нужный мне поезд, да и вообще... узнать. Увы! Старший билетный кассир подтвердил слова смотрителя - поезд только завтра, в четыре часа дня. Взяв мой билет, зарегистрировал его на поезд, в вагон первого класса, перед этим проверив мою подорожную. Что меня и удивило, но сочла за лучшее захлопнуть рот и сделать непроницаемое лицо. Правда, чуть не прокололась. Я по привычке думала, что мне надо ехать на Курский вокзал, спросила, на меня взглянули недоуменно, и пояснили, что нет - нет, с этого, единственного в Москве вокзала. Ну и ладно. Снисходя к наивной барышне билетный кассир, усатый одышливый дядька, даже вышел из своей конторки и показал мне заезжую гостиницу, но посоветовал лучше номера.

-Такой молоденькой барышне, да ещё одной путешествующей, не стоит в эту гостиницу селиться. Публика-с там ненадёжная, и горячительного много подадут. Так что лучше в номера-с. А багажик ваш можете у нас на вокзале пока оставить, есть у нас специальная комната, где публика состоятельная багаж хранит.

И он показал в направлении дальнего края вокзала, где прохаживался такой же усатый и толстый полицейский. Прямо как из учебника истории Российской империи. Но камера хранения - это хорошо, хоть вещи руки оттягивать не будут. И я пошла, куда направили. Возле означенной комнаты меня остановил этот самый полицейский. Оказывается, это именно он охранял вещи пассажиров. Я опять показала ему паспорт, подорожную, билет. Тогда он запустил меня в эту комнату, где даже отвернулся, пока я из сундука доставала свою сумку, кота, смену белья и маленький ридикюльчик с товаром на продажу. Мою большую спортивную сумку можно сделать и небольшой, если сложить определенным образом и застегнуть некоторые замки. Что я и сделала. Отдав вещи и получив здоровый жетон, в половину моей ладони, заплатила за это удовольствие десять копеек. Чистая обдираловка, на мой взгляд! Но вариантов не было, как и десяти копеек. Поэтому царственным жестом протянула свой единственный полтинник. Получила горсть разнокалиберных монет на сдачу, ссыпала их в ридикюль и пошла в город, добывать нам с Фиодором деньги на проживание и пропитание.

Будущая (или не будущая?) Комсомольская площадь, ныне Сенная, поражала шумом, суетой и грязью из перемешанного снега, отходов лошадиной жизнедеятельности и прочих подробностей. Я устремилась следом за людьми,двигающимися прочь от вокзала. Вскоре улица стала почище и публика тоже. А вот и горячо рекламируемые номера. Едва прочитала вывеску с ятями и завитушками. Ничего так домик, чистенький, в три этажа. Дальше тоже тянулись разные здания, во многих на первых этажах были лавки и магазины. Из сумки, висевшей на моем плече, послышалось бурчание:

-Замок-то расстегни немного, не видно же ничего!

Пришлось выполнить требование этого вредины. Теперь он тоже видел, куда мы идём. Зашла я в третью по счету лавку белошвейных дел мастерицы. Пока я решила ничего не предлагать, только посмотреть, сколько стоят аналогичные вещи. Если покупать, то подобное, по местным меркам, стоило дорого. Невзрачный воротничок, явно хуже бабулиного, стоил три рубля, вышивки французский узелок не было вообще. Мы ушли, и только через ещё несколько лавок, в которые я заходила, решила предложить рукоделие. Но быть в роли робкой девицы, предлагающей свое рукоделие, мне не улыбалось, получу копейки наверняка. Поэтому, поджав губы и скорчив равнодушное лицо, зашла в магазин и безразличным тоном велела продавцу

позвать хозяина или хозяйку. Хозяин появился минут через пять, очевидно, я оторвала его от обеда, поскольку из жилетного кармана торчала наспех скомканная салфетка, а в окладистой бороде застряли хлебные крошки. У меня в желудке жалобно булькнуло, но я замаскировала это лёгким покашливанием.

-Вы, я полагаю, хозяин этого магазина? - получив уверения, что именно так, продолжила - Хотела бы предложить вам некоторые эксклюзивные работы из парижских мастерских. Вы, я вижу по вашему ассортименту, человек передовой, понимающий толк в красивых вещах, так что только для вашего магазина показываю.

У дядьки, от обилия иностранных, красивых и непонятных слов, аж лысина вспотела, глаза забежали, оценивая мой вид. А вид был дорогой - шубка из непонятного зверя, шляпка, серьги в ушах, явно не из латуни, а главное - надменное лицо. И он засуетился.

-Конечно, барышня, я обязательно посмотрю ваши вещи, только прошу учесть, я человек небогатый, а сейчас так плохо покупают! Все едут за границу, там и покупают... а мы вот, крохами перебиваемся...

Я перебила, не давая продолжить печальную повесть о тяжёлой судьбе русского купечества:

-Вот, смотрите!

И выложила на прилавок один воротничок и одну полочку из двух, которые с сиренью.

У мужика чуть слюни не закапали прямо на вышивки. Но, закатив глаза и шевеля губами, подсчитывая деньги, купец сказал:

-Да, вещи изумительные, сразу видно - парижская работа. Я могу вам предложить по пятьдесят копеек за вышивку!

И закрыл глаза, видимо, сам поразившись своей наглости. Потом приоткрыл один глаз, решив посмотреть на мою реакцию. Я же, не меняя выражения лица, просто потянула назад выложенные вещи. С другой стороны в них вцепился хозяин лавки, жаль было расставаться с ними. Он уже мысленно посчитал барыши, а тут фифа все обломала.

-Барышня, да вам никто больше и не даст! Я хорошую цену предлагаю!

Я выгнула бровь.

-Никто, говорите? А я вот сейчас вернусь на две лавки назад, так там мне за один воротничок три рубля предлагали! Да ещё и умоляли не ходить в вашу лавку, потому как здесь ничего не понимают в хорошем товаре, только для девок - служанок здесь товар и держат! И видно, правду сказали!

-Кто вам сказал? - взвыл купец - Это Кудинов, что ли? Сам он ничего не понимает! Говорить такое обо мне, честном купце! Да я только отменным, заграничным товаром для мадамов и мамзелей торгую! И ваш воротничок куплю за три рубля с полтиной! А если вы и вторую часть от этой продадите, то их куплю за пять целковых!

Ломаться я не стала, достала вторую полочку, приложила их друг к другу, и тогда купчина понял, что это заготовка под блузку, возрадовался сильнее, вместе они стоили не менее червонца. Но мне пока и этого было достаточно, более продавать я ничего не собиралась, мне хватит, а привлекать лишнего внимания не хотела. Выйдя из этой лавки, махнула рукой ближайшему извозчику, ноги уже отказывались бродить в тонких ботиночках по брусчатке, и мы поехали в номера. Там я сняла апартаменты с ванной аж за целый рубль. Но никакого ресторана или кабака там не было, а есть хотелось. Но там, оказывается, был сервис - доставка еды из приличного трактира с посыльным и даже меню с прейскурантом прилагалось. Заказав себе ужин, под сердитое шипение Федьки: «Мяса, мяса побольше"! принялась устраиваться на ужин, мытьё и ночлег.

Поеживав и в самом деле вкусными блюдами, я приступила к принятию ванны. Хорошо-то как! Я вытянулась в ванне, закрыв глаза от расслабляющего тепла. Не мылась полтора века! Фёдор от ванны отказался, сказал, что и лапой помоемся, сейчас ещё продолжал трапезничать

оставшимся мясом в подливке. И эта тварь дома, в Москве, закатывала мне истерики, отказываясь есть, если в домашнем мясном фарше присутствовала хоть крошка лука, я уж не говорю про чеснок или перец! А сейчас уплетает перченное изрядно мясо и хоть бы хны! Воистину, голод - не тетка, а мать родная!

Вымывшись и простирнув свое бельишко, замоталась в большую мягкую простынь, выданную мне вместо полотенца, выставила за двери пустую посуду, завалилась спать. Лежала в мягкой и чистой постели, в печи слабо, едва заметно тлели угли, в спальне разливалось умиротворяющее тепло и тишина. Я уже начала дремать, когда тишину нарушил Фёдор, который устроился у меня в ногах и приступил к помывке на свой лад. То есть вначале поднес к морде лапу, растопырив пальцы и внимательно ее изучая. Затем, вытянув заднюю ногу пистолетом, начал намывать ее языком. Потом, оторвавшись от своего увлекательного занятия и замерев в такой же позе, проговорил:

-Интересно, а что нас ждёт в Курске? Понятно, что папаша померли, но что-то же он нам оставил? И сколько там наследников? Судя по всему, там имение должно быть, у тебя же написано в подорожной, что ты едешь до Курского уезда, имения Арсентьево. И вот хвостом чую, что именице-то не самое богатое, раз папаша не оплатил весь год учебы твоей. Вряд ли нам на голову богатство упадет. Где уж, с нашим-то еврейским счастьем...

-Федька, ты антисемит - сонно пробормотала я - все люди равны!

-Ага - поддакнул этот философ с хвостом - но некоторые равнее.

Так, лениво переругиваясь, мы и заснули. Спали утром долго, всласть, что называется. Неторопливо позавтракали, Фёдор снизошёл до сырников со сметаной, заранее заказали обед и сразу же снел с собою в дорогу, чтобы хватило до Курска. Что нисколько не вызвало удивления у посыльного, видимо, это часто практиковалось. Заверив, что все будет упаковано и доставлено в наилучшем виде, посыльный удалился, а мы с Федькой уселись у окна, зевая и разглядывая улицу. Вдруг я увидела вчерашнего лавочника, которому продала рукоделие, нервно мечущегося по улице, заглядывающего то в магазины, то, в подобные моим, номера. Выходил расстроенным. Наконец зашёл и в дом, в котором я временно остановилась. Через несколько минут в дверь постучали, и голос портье вежливо произнес:

-Мадмуазель, тут вас спрашивают. Вы спуститесь или ваш гость может зайти сюда?

Я разрешила гостю зайти, ведь я уже знала, кто меня ищет, только не знала, зачем. Купчина влетел в комнату сразу, как только портье открыл дверь, и пока я поворачивалась к нему, рухнул на колени и взвыл:

-Барышня, не погуби! Только на тебя вся надежда! Выручи, матушка - благотельница!

Я, в полном очумлении от такого экспрессивного начала, вытаращила глаза и только проблеяла:

-А в чем, собственно, дело? И чем я вам могу помочь, уважаемый?

Купец, торопясь и захлебываясь словами, поспешил донести до меня следующую историю.

-Так вчера же я продал этот воротничок и вышивку на блузочку графине Невиной. А сегодня, прямо с утра, в лавку явилась ее заклятая подруга, княгиня Татищева! Невина ей вчера похвасталась покупкой, а Татищевой всегда ведь надо иметь лучше, чем у подруги. Вот она явилась ко мне и велела ей продать такое же, только лучше, чем у Невиной! А где ж я возьму-то! Только она меня не стала слушать, сказала, не продашь, так она так ославит меня по Москве, никто из приличных дам ко мне не заглянет! Я ж разорюсь тогда! Не погуби, барышня! Я и так едва нашел вас! Может, у вас хоть что-то ещё есть, на мое счастье!

Хоть и хотелось мне наказать лавочника за вчерашнюю жадность, но уж больно вид у него был жалкий. Видно, эта Татищева и впрямь имела такую власть в светском обществе Москвы. Я сходила в спальню, достала оставшиеся пару воротничков и вышивку, принесла, положила на стол.

-Вот, выбирайте! Но больше у меня ничего нет, только это.

Глаза у купца разгорелись, он схватил оба воротничка и вышивку, прижал к груди. И тут же полез за кошельком.

-Постойте, вам что, оба воротника нужны? - купец истово закивал головой - Но, извините, это я покупала для себя, поэтому по вчерашней цене я вам не отдам. Воротники по четыре рубля, а вышивку не меньше, чем за девять.

Купец скривился, но потом махнул рукой, видно, маржа была больше, достал кошелек. Так я ещё добавила к своим капиталам немного денег.

Ушел купец, прибежал посыльный с нашим обедом и заказом в корзинке. Расплатившись с посыльным, я оставила ему на "чай" целых десять копеек, парень расплылся в счастливой улыбке.

Пообедав, стали понемногу собираться в путь. Котофей опять залез в сумку, я спустилась вниз, вызвала извозчика и прибыли мы на вокзал в три часа. Получила свои вещи в целости и сохранности, взяла носильщика, который и доставил их к моему составу, уже стоящему у дебаркадера и густо пыхтящим паром из высокой паровозной трубы. Расположилась в купе, мне опять повезло, ехала одна. Видимо, первый класс дороговато, а пока ещё на этом направлении мало было путешествующих людей поездом.

Итак, мы ехали в Курск. Что ждёт меня впереди? Поживем - увидим!

Глава 7

Наше время – Лиза 2

Лиза проснулась сразу по нескольким причинам - тело затекло от долгого лежания в неудобной позе, под щекой что-то неприятно зудело и жужжало. Да и самой щеке было больно, ей было очень жарко в ее шерстяном платье и она явственно ощущала тот самый зов природы, который влечет нас в укромный уголок, в кустики, ну, или к ночной вазе. Лиза приоткрыла глаза. Почему-то перед глазами было какое-то поле с зеленовато-коричневой травой, от которой шел явственный запах пыли. От этого запаха Лиза неожиданно громко и звонко чихнула, и проснулась окончательно. Кряхтя, как старая нянька Семёнишна у них в поместье, Лиза потихоньку постаралась сесть. Затекшие члены не давали ей этого сделать свободно, гнуться не хотели, а болючие мурашки от длительного неподвижного лежания радостно рванули по рукам, ногам, шее и даже голове.

Сев на попу, она огляделась. Никакого поля не было, был толстый ковер с высоким ворсом. Большая комната, высокий потолок с лепниной, на потолке красивая люстра, но вместо свечей там какие-то круглые штуки, светящиеся голубоватым светом. Большое окно, занавешенное кружевной тюлевой занавесью. Лежала щекой она на небольшой дамской сумочке с металлическим бляхами на одной стороне. Вот от этих блях ей и больно щеку. Лиза потрогала рукой лицо, болезненно поморщилась, ощутив рубец от злополучной сумочки. Зудело и жужжало, кстати, как раз из нее. Пожужжав ещё немного, все смолкло. В комнате никого не было и вообще было тихо. Переждав всех мурашек, Лиза встала на ноги и пошла в поисках людей. Поиски успехом не увенчались. Нигде никого не было.

В одной комнате вперемешку валялась на полу какая-то одежда, в другой комнате тоже стоял шкаф с распахнутыми дверцами, в нем было пусто, а вот в соседнем шкафу аккуратно висела красивая одежда. Ещё ящики были в низу шкафа, но Лиза постеснялась там смотреть. Письменный стол с лампой на нем под зелёным абажуром. Полуоткрытый ящик стола. Лиза попыталась его закрыть, но что-то мешало. Лиза пошарила рукой в глубине ящика, там наперекосяк застряла какая-то небольшая коробочка, Лиза поправила ее, ящик закрылся. Кровать под пушистым пледом. Лиза вернулась в ту комнату, где проснулась. Странно, она была босая, но ноги ничуть не замёрзли. Прошла дальше, она вообще не понимала, где она находится. Апартаменты вроде какие-то? А как она сюда попала, да ещё босиком? И вещей нет никаких ее. Следующая комната, что-то среднее между кухней и столовой. Стол с красивой скатертью, много разных шкафов вдоль стен. На столе стоит одинокий бокал необычной формы, пустой, но пахнет из него нехорошо, спиртным. В одном из нижних шкафов углубление в виде небольшого металлического тазика, в нем валяется яичная скорлупа. Со стороны высокого белого шкафа раздалось тихое гудение, слегка напугавшее Лизу. И тут же следом послышался стук в окно.

Она подошла к окну. Там, на толстой ветке здоровенной сосны, вплотную к окну, сидела белая кошка с голубыми глазами и стучала лапкой по стеклу, как будто просясь впустить ее. А может, и правда, живёт она здесь? Лиза решительно потянула щеколду форточки в низу окна. Створка распахнулась внутрь и следом неторопливо вошла кошка. Лиза растерянно сказала:

-Здравствуй! Ты кто? А я Лиза. Только я не знаю, как здесь оказалась...

Почему-то ей показалось важным услышать хоть свой голос в этой тишине. Кошка села на подоконнике копилкой, внимательно смотрела на нее, склонив голову набок. Потом внезапно ответила ей протяжным, с мяукающими нотками в голосе:

А я Тася... здравствууй, Лиза! А Фиодор гдеу?

Лиза даже не особо удивилась тому, что она разговаривает с кошкой, просто от общего непонимания, что происходит и вообще... поэтому спокойно ответила:

-Не знаю. А кто такой Фиодор?

-Живет он здесь. Коот он моуй. Пришла, а егоу нет. А у нас детки маленькие.

Лиза только хотела сказать, что пока тут никого не видела, как внизу живота так резануло от давно сдерживаемой потребности, что она даже застонала, скривившись от боли. Тася спросила:

-Ты чего, Лиза? Боолееушь?

Лиза, сама не зная почему, брякнула о своей нужде в ночной вазе. Кошка понимающе покивала головой.

-Ясно, лоток тебе нужен. Пойдем.

И повела ее через небольшой коридорчик в отдельную малюсенькую комнатку, сказав:

-Вот здесь нажми, свет загорится. Садись сюда и все свои дела делай. Потом вот сюда нажмёшь, всеу и смоется.

И вышла. Лиза после всех дел посидела ещё чуток для верности, потом встала. Все сделала, как сказала кошка, вышла. Теперь бы умыться. О чем и сказала Тасе. Та вздохнула, качнув головой, пробормотала: "И откуда ты такая неумелая"? Провела Лизу ещё в одну комнату. Там все сверкало в свете необычных ламп, огромное зеркало на стене, большая ванна, необычно белая и гладкая. Кошка и тут помогла, показала, как открыть кран с водой, когда Лиза попыталась его крутить. Оказалось, его надо поднимать. В зеркале отражалась она, Лиза, лохматая, опухшая от сна вниз лицом, с отчётливой красной полосой на щеке от той сумочки. Умывшись и расчесав свою копну волос найденной на полочке расчёской, она вышла из умывальной комнаты. Прихватив по дороге ту самую сумочку, в которой опять что-то жужжало, Лиза прошла на кухню, села у стола. Тася с аппетитом уплетала какую-то еду из стоявшей на полу яркой мисочки. Пока кошка ела, Лиза методом тыка смогла открыть сумочку, надо было просто потянуть крышку с блямбами вверх. Хотя и было боязно брать чужие вещи, но надо же понять, что здесь происходит. В сумочке были носовой платок, что-то непонятное в шуршащей пачке, небольшая книжечка, черная блестящая тонкая пластина, кошелек, странные ключи.

Отодвинув все в сторону, Лиза взяла в руки книжечку. На обложке нарисован российский двуглавый орёл. Открыла ее и чуть не вскрикнула. На цветном и очень ясном рисунке в книжечке была она сама, но вроде как немножко не такая, в странной одежде. И написано тоже как-то необычно, сразу не поняла, что без ятей. Но сумела прочитать. Это была всё-таки она - Арсентьева Елизавета, только не Ивановна, а Генриховна! Дааа... и как это понять? А далее было написано, что родилась эта Генриховна в городе Москве и в 1992 году!!!

Лиза только смогла прошептать жалобно:

-Не может быть! Сейчас ведь 1862 год!

И тут опять зажужжало. Теперь было понятно, что жужжит черная пластина, сейчас ещё и светится.

Тася оторвалась от еды и, повернувшись к ней посоветовала:

-Да ответь ты, а то так и будет звонить!

-Как ответить? - растерянно пролепетала Лиза.

-Вот видишь, зелёный кружочек? Нажми на него, к уху приложи и говори вслух: "Слушаю"!

От испуга у нее сел голос и только тихо просипела: "Слушаю"!

Из коробочки раздался неожиданно сердитый женский голос, вроде бы немолодой.

-Лизка, ты где?

Лиза не менее информативно брякнула:

-Здесь... Вроде.

Голос не унимался.

-Где здесь? Что за манера, ничего толком не говорить?

Лиза растерянно сообщила:

-В Петербурге...

Голос сердито сказал:

-Дуришь опять, Лизка!

И замолчал.

Лиза замолчала, и только в глазах закипали горькие слезы. Она вообще ничего не понимала, и от этого становилось ещё горше. Москва, Лиза какая-то другая, странное место, куда она неизвестно как попала, говорящая кошка - этого любому хватит, чтобы сойти с ума. Подождав, пока Лиза прорывается особо горько и дойдет до икоты от усталости, кошка подошла к ней, тронула ее ногу лапкой.

-Лизка, воут чего ты ревешшь?

-Я не знаю... ик... как я сюда попала... ик! Я спала у себя в дортуаре... ик... в Павловском институте благородных девиц, в Петербурге... ик... И на дворе декабрь 1862 года! А здесь... вот!

И она потрясла этой книжицей со своим рисунком внутри, но с несуразным годом. Рыдать уже не хотелось, но и понимания никакого не пришло. Тася села копилкой возле нее, обвила хвостиком лапки и глубоко задумалась. Вот, в самом деле, задумчивость прямо была написана на ее белоснежной мордочке. И в результате раздумий выдала:

-Ну, ты, Лиза, попаданка теперь, получается! - заметив недоумение у вышеупомянутой Лизы, пояснила -Я раньше домашняя кошка была. Только моя хозяйка умерла, а наследникам я не нужна, меня и выгнали. Вот живу в подвале. Так моя хозяйка очень любила романы про попаданок и частенько читала их мне вслух. Ещё смеялась, говорила, что глупости пишут. А оно вот как получается. Ты сюда, а прежняя Лиза, наверное, на твое место с моим Фиодором попали... теперь здесь жить будешь. Обычно попаданки всегда прогресс несут миру. А ты делать-то что умеешь? Ну, работать там, деньги на "Вискас" как зарабатывать будешь?

Лиза отчаянно замотала головой - ничего она не умеет и не знает! Откуда ей знать про это? Дома, у батюшки в имении, слуги, нянюшки, тётушки, как бы она работала? В институте их учили управлять домашним хозяйством, но это заключалось примерно в следующем: "Позовите девку - горничную, велите ей стереть пыль в гостиной, да выхлопать диванные чехлы. Прикажите кухарке запечь баранью ногу с отварной спаржей, политой брусничным соусом. Стойте за спиной у кухарки, пока она не срежет весь лишний жир, да тщательно не промочит мясо". Языкам их учили, рукоделию, рисовать она любила, да только кто же позволит благородной девице рисовать картины для продажи?

Так что не принесет она миру никакой пользы. Лиза горько вздохнула, ох судьба ее горькая, судьбинушка! Кошка тихонько вспрыгнула ей на колени и принялась вытирать мягкой лапкой слезы, опять побежавшие из глаз Лизы. Поглаживая кошку и постепенно успокаиваясь, она вдруг вспомнила:

-Тася, ты же сказала, что у тебя котятки маленькие, где они?

-Так в подвале, где же ещё! Только холодно что-то там, зима уж больно суровая нынче. Пойду я, поела, молоко появилось, котят кормить надо.

Глава 8

Продолжение

Наше время Лиза 2

Лиза помолчала, а потом, шалея от собственной смелости, сказала:

-Тася, а давай мы твоих котят сюда принесем! И будете жить со мной! Ты мне подсказывать будешь, что и как, а то пропаду я тут одна!

Тася думала недолго, засуетилась, велела Лизе одеваться, сама, пятясь задом, вытащила зубами какую-то коробку, сказала, что сюда котят положить надо будет. В прихожей суета продолжилась - пока нашли странные сапожки для Лизы на плоской подошве, не менее странное пальто, вроде бы громоздкое, но лёгкое, и длиной всего до колен. Лизино длинное платье тащилось хвостом за ней, вместе с коротким, бочкообразным шуршащим пальто создавало нелепый сногшибательный вид. Потом Тася спохватилась, что нужны ключи от дверей, Лиза бегала за этими ключами на кухню... наконец суета закончилась, и они вывалились из квартиры на лестницу.

Поглядев с сомнением на Лизу, кошка махнула лапой на лестницу, сказав, что безопаснее будет, вдруг Лиза ещё и лифта напугается? Кто такой "лифта" Лиза не знала и поэтому, на всякий случай согласилась, что да, может и напугаться. На странном пальто не было пуговиц, и Лиза шла так, стягивая пальто руками на груди. Нажав на красный огонек на двери, как ей и велела Тася, Лиза вышла на улицу, жмурясь от яркого света после сумрачного подъезда. Сидевшие на скамейке пожилые женщины неодобрительно поджали губы и зашумукались, глядя на нее. На всякий случай, Лиза сделала короткий книксен и вежливо сказала:

-Добрый день, дамы! Сегодня хорошая погода, не правда ли?

Сии дамы замерли в недоумении, открыв рты, силясь что-то сказать в ответ. Лиза этого не стала дожидаться, решив побеседовать с ними в другой раз, и двинулась вдоль дома за шустро бежавшей кошкой. Она уже свернула за угол дома, а Лиза все оскальзывалась на дорожке в чужой обуви и путаясь в длинном подоле собственного платья, когда услышала истошный кошачий крик.

Рванула туда, на самом повороте поскользнулась окончательно, и прямо так, на коленях въехала под ноги суетящихся у подвального окошка людей. На Тасю было страшно смотреть, она кричала, царапала когтями кирпичи, которыми эти люди закладывали подвальное окно. Лиза поняла главное - происходит что-то страшное и надо спасать котят и Тасю. Как была, на коленях, подползла тоже к этому окошку, руками раскачивала кирпичи, чтобы освободить проход для кошки. Вначале мужики, стоявшие у окошка, оцепенели от непонятных действий, что происходили на их глазах, но потом один возмутился.

-Эй, девка, ты что делаешь? Нам опять все заново, что ли, перекладывать?

Лиза, продолжая лихорадочно выцарапывать кирпич, торопливо объясняла:

-Дяденьки, дяденьки подождите маленько, прошу вас! У нас там котятки маленькие, сейчас она их вытащит, и мы уйдем!

Лиза кивнула на мечущуюся кошку. Мужики замолчали, почесали в затылках, потом тот, который возмущался, неуверенно проговорил:

-Ну, раз заберёте котят, малость подождем! Ишь, мамка-то как убивается!

Мужики замолчали. А один, крикнув, отодвинул Лизу от окна, какой-то металлической палкой ловко выставил пару кирпичей. Тася мгновенно нырнула в освободившийся проем и буквально через пару минут принесла первого котенка и положила его в коробку. Всего котят оказалось четверо - два полосато-серых и двое снежно-белых. И следом выбралась сама кошка. Лиза прижала коробку к груди, кошка нетерпеливо переминалась рядом. Девушка благодарила мужчин, они умилялись котяткам, а один сказал:

-Вот до чего животная умная, помощь привела, деток достала. Вот это мать настоящая, не то, что бабы некоторые...

Он махнул рукой, а Лиза с Тасей и драгоценным грузом двинулись назад. Кое-как совладав со всеми дверьми, ключами, они зашли в квартиру, и Лиза принялась устраивать новых жильцов. Нашла небольшое полотенце, старенькое по виду, постелила в коробку, уложила вновь туда котят. К ним тут же запрыгнула кошка-мать, принялась их облизывать и кормить.

А Лиза, посмотрев на основательно грязное свое платье, вздохнула и пошла искать, во что бы ей переодеться. В комнате, где одежда валялась на полу, под руки ей попался длинный мягкий халат с поясом, теперь надо бы найти сорочку да штаны, хотелось бы и нижнее белье сменить тоже. Но ничего похожего не попадалось. Зато нашлись какие-то чудные чулки, совсем без подвязок, зато со сплошным верхом, как гусарские лосины, времён императора Александра Павловича, отца нынешнего императора, Николая Александровича. (Автор хорошо знает, что Александр Первый умер бездетным, а в описываемое время крепостное право отменял Александр Второй. Но поскольку фэнтези с альтернативной историей, то автор немного посвоевольничал. Кстати, в моей истории, Крымской войны тоже не было). Покрутив их в руках, отложила в сторону. А вот что за красивый мешочек? Вытряхнув его, Лиза увидела такое красивое, кружевное бюстье, какого, наверное, и у самой графини Мазулевич не было! А ведь она, как шептались девчонки в дортуаре, выписывала наряды исключительно из Парижа! Только узкое оно больно. Отложив и бюстье, она достала и последнюю вещь и замерла, открыв рот. А это что такое? И на штаны не похоже, но интуиция ей подсказывает, что это безобразие как раз и носят на том самом месте, что и штаны... Только как это носить, оно же и срам не прикроет! Фу, наверное, это носят девицы из "весёлых" домов. Об этом тоже шептались девчонки, но уже собравшись по двое - трое, накрывшись одеялами и фукая.

Увлечшись созерцанием всего этого безобразия, Лиза пропустила тот момент, когда послышался звук открываемой двери в передней. И очнулась только тогда, когда послышались голоса в прихожей. Она быстро вышла в большую комнату, зачем-то продолжая держать в руках эту кружевную тряпицу. Женский голос хихикал что-то жеманно, а мужской уверенно басил:

-Проходи, зайка, не стесняйся, тут никого нет! Ох, как я сейчас зажгу! Жарко будет, обещаю! Я так соскучился по этой мягкой прелести за командировку! Давай, давай, шустрее проходи! Шас мы с тобою...

Договорить фразу он не успел. Потому что Лиза, увидев входящих в комнату хихикающую девицу с короткими волосами красно - голубого и зелёного цвета, одетую в какие-то совсем неприличные штаны и кофту без рукавов и ворота, но с выпадающими из декольте грудями, которую сопровождал здоровенный верзила с совсем короткой стрижкой, решила - вот он пришел, ее смертный час. Но так просто я не сдамся, решила девушка. И она завизжала изо всех сил, зажмурив глаза и размахивая кружевной тряпицей, судорожно зажатой в руке.

Визжала Лиза душевно, с огоньком, зажмурившись, но справедливости ради надо сказать, периодически приоткрывая один глаз и набирая воздуха в грудь, чтобы выдать очередное крещендо. Здоровый мужик, через несколько минут Лизиного визга, задумчиво протянул:

-Знаешь, зайка, сегодня, пожалуй, ничего не получится! Видишь, сестрица моя рехнулась, похоже. Она и так-то, на голову слаба была, но сегодня в особом ударе. Идём, я вызову тебе такси и провожу.

Они вышли, Лиза слышала, как хлопнула входная дверь. Визжать она перестала, но настороженно прислушивалась, замерев посреди комнаты сусликом. Неужели пронесло? Тряпицу, на всякий случай, из рук не выпускала. И оказалась права. Только успела обрадоваться, что все обошлось, как опять грохнула дверь, и давешний мужик тут же появился в комнате.

Только Лизавета открыла рот, чтобы продолжить сольное выступление, как он одним незаметным шагом оказался рядом и огромной лапищей заткнул ей рот и жёстко сказал:

-Лизка, хватит! Что ты за концерт устроила? Ты же сама разрешила мне иногда приходить сюда для личных дел, когда ты на работе. Ты же знаешь, что у меня дома... советами замучают. А ты чего дома-то?

Лиза могла только мычать да вращать вытаращенными глазами. Наконец, мужик догадался и сказал.

-Я руку уберу, а ты не орёшь! И так бабки внизу насторожились, твой визг до них долетел. Да брось ты эти трусы, ты что, ими обороняться собралась? Тогда уж лучше возьми панталоны тети Софы, в них хоть запутаться можно!

Руку он и в самом деле убрал, и Лиза теперь пыталась отдышаться и просто понять - что вообще происходит? Наконец, она полузадушено просипела:

-Простите, а вы кто? И как сюда попали? Я сама тут недавно и ещё ничего не понимаю...

Мужик внимательно в нее взгляделся и спросил:

-Лизка, что, и в самом деле рехнулась? Я Кирилл, кузен твой. Троюродный, кажется. Ладно, хватит придуриваться, пойдем на кухню, чаю попьем, да я бы и пожрал чего-нибудь не из сухая. Ночью только прилетели из командировки, пока до города добрались, пока то, се... потом от матушкиного нытья сбежал... так и не поел толком. Еще и твои выкрутасы.

Видно, сегодня громила убивать ее не будет, раз о еде заговорил. Хотя, может, сожрёт? Она с сомнением покосилась на парня, решила поверить ему и со вздохом сказала:

-Пойдем... я тоже есть хочу, только я не нашла здесь никакой еды.

Парень, который Кирилл, хмыкнул, подтолкнул ее в спину по направлению к кухне. Там Лиза показала ему пустой стол и шкафы и сказала:

-Вот, видишь, нет ничего! А что в этих банках, так я варить не умею!

Кирилл ещё раз хмыкнул, засучил рукава своего свитера до локтей, открыл тот белый шкаф, который Лиза открыть не могла, и который странно гудел периодически, пугая Лизу. Из него на стол шустро полетели какие-то шуршащие свёртки, он их просматривал, что-то убирал назад, что-то оставлял на столе. Наконец, удовлетворённо гмыкнул и сказал:

-Вот, сейчас быстро курицу замаринуем, салат настрогаем, а ты пока картошку почисти.

И на стол под нос Лизе шлёпнулась миска с вымытым картофелем и нож. Лиза растерянно смотрела на это. Чистить картошку она не умела. Да и вообще, готовить не умела. Кто бы ее допустил к готовке, выросшую в папенькином имении с няньками да служанками? Да и в институте у них тоже полный пансион был. Но решила не раздражать здоровяка и храбро взяла нож в руки и картофелину. Вначале она просто уронила ее на пол. Потом засадила нож в неё до половины, едва вытащила. В конце концов, резанула себя по пальцу. Запихнула пострадавший палец в рот и заплакала горькими крупными слезами. Кирилл, колдовавший над миской с курицей, повернувшись к ней спиной, услышал подозрительное шмыганье носом, всхлипы, грозящие перейти в вой и развернулся к ней.

-Лиза, хватит дурачиться! Пошутила и все! Лиза, да что с тобой?

-Я не Лизааа... точнее, Лиза, да не тааа... - провыла Лиза, путаясь в словах - я не знаю, как я здесь оказалась! Я Лиза Арсентьева, только Ивановна, а тут написано, что Генриховна! И я родилась в Курске в 1844 году! А тут написано, что в Москве в 1992 году! И вчера спать я легла в Петербурге, в своем институте, а проснулась здесь!

У девушки слезы продолжали литься.

Глава 9

Продолжение

Наше время Лиза 2

Кирилл бросил курицу, подошёл к ней, присел рядом на корточки и неожиданно резким движением задрал ей подол халата выше колена. Крепко держа ее за ногу, чтобы не выдергивала, внимательно рассматривал что-то на колене, затем повернул ногу вбок, ещё что-то посмотрел, отпустил и пошел опять к мойке.

Опёрся бедром об нее, долго смотрел на Лизу и молчал. И она тоже притихла, понимая, что сейчас решается ее судьба. Даже не взвизгнула от его возмутительного и неприличного действия с ее ногой.

-Верю, ибо это настолько абсурдно, что даже ты не могла бы такого придумать. Да и нога... шрам у Лизки на колене был, в детстве навернулась с велосипеда, зашивали в больнице. У тебя нет шрама. Совсем. Даже если избавиться от шрама пластикой, то за два месяца, что я не видел Лизку, не появились бы три родинки под коленкой и на голени. Да и сейчас заметно, что ты моложе значительно. Сколько тебе?

Лиза, покрасневшая после таких интимных подробностей про коленку, пролепетала:

-Восемнадцать. Исполнилось осенью. Четырнадцатого ноября.

-Ладно, давай сюда картошку. Я почищу, а ты уж как-нибудь, по прямой или кубиками, как сумеешь, порежь овощи на салат. И рассказывай, кто ты и откуда. Что ты в Питере спать легла, а проснулась здесь, я уже понял.

Приободрившаяся Лиза начала рассказывать о себе, о папеньке, об институте... только про керосин и брата Зизи не стала говорить, стыдно было. И так о ней было впечатление хуже некуда. На запах жарящейся курицы появилась тихонько Тася, села возле ног Лизы. Увидев кошку, Лиза воскликнула:

-Ой, Тася, ты, наверное, кушать хочешь?

Кошка согласно муркнула. Кирилл с удивлением глянул на нее. Такое чувство, будто кошка поняла вопрос.

-Тася? Но у Лизы был кот, Фиодор. Ох, и вредная личность этот кот. А где он?

Лиза пожала плечами.

-Не знаю, когда я проснулась, никого здесь не было, только вещи разбросанные. Потом вот Тася пришла, я ее пустила. Потом мы ее котятки из подвала доставали, представь, их чуть там заживо не замуровали! Но дяденьки добрые оказались, подождали, пока мы котят достали. Они же крохотные совсем, без мамы бы погибли. Вот. Можно, я свою порцию курицы Тасе отдам? Ей деток кормить надо, а я много не ем, мне хватит. Елизара Леопольдовна, наша классная дама, всегда говорит, что барышня должна есть как птичка, чтобы фигура была изящной. А если будем, есть много, то будем толстыми, как купчихи!

Кирилл захохотал.

-Как, как ее зовут? Елизара Леопольдовна? Вот дал же Бог имечко! Не волнуйся, все будут сытые, в холодильнике есть кошачьи консервы. Тьфу ты, дурочка, не ужасайся, не из кошек сделаны, а специально для кошек. Сейчас ей положу в миску. Кис-кис, иди сюда! Как тебя там, Тася?

Но кошка вначале внимательно посмотрела на Лизу, одобряет ли она? Лиза утвердительно кивнула головой, и тогда Тася подошла к миске и очень аккуратно, без жадности, интеллигентно принялась кушать свою порцию.

Ели они молча, быстро, каждый думая о своем. Лизе эти немудрящие блюда показались с голодухи райской снедью. Поели, быстро помыли посуду, точнее мыл Кирилл, а девушке доверили ее вытирать. Потом парень сказал:

-Идем, ты мне сейчас покажешь, где и что именно лежало, когда ты проснулась. Надо искать мою Лизу.

Лиза слегка растерялась, ведь она же немного подобрала вещи и слегка разобрала их по шкафам, да и пальто с сапожками надевала. О чем и сообщила Кириллу. Тот поморщился, но спокойно сказал:

-Хорошо, пошли в прихожую, покажешь, где и что.

-Вот, смотрите - Лиза все время сбивалась, то "ты", то "вы" - сапожки были вот в этом шкафчике, а пальто в этом углу валялось.

Кирилл осмотрел пальто, спросил, она или нет, посадила грязное пятно на рукаве. Лиза в испуге замотала головой, нет, не она, не помнит она такого! На что Кирилл сказал, что на его сестрицу такое похоже, она может и в сухом и чистом месте грязь найти. Проверил шкафы, сказал, что нет ее шубки и двух пар сапог. Лиза испугалась вновь - вдруг ее обвинят в пропаже! Но парень только хмыкнул, сказав, что при всем желании она сразу две пары сапог не наденет на ноги. Лиза горячо уверила, что вообще проснулась босая, только в форменном платье, но оно после спасательной операции пришло в nepотpeбный вид, и сейчас находится уmyвальной комнате. Может показать.

В большой комнате Лиза показала, где она проснулась, что вот тут лежала сумочка, и что лежало в ней. И что она, Лиза трогала вот только эту книжечку с орлом, где и увидела рисунок себя и прочитала все про эту Лизу. Ещё черная пластина противно зудела, и какая-то женщина в пластине, сказала, что Лиза дура. Кирилл взял у нее эту пластину, попутно сказав, что это телефон, потыкал быстро пальцем в него, сказал, что это тетя Софа звонила и на нее похоже, она могла и душой назвать. Потом просмотрел содержимое сумочки.

-Получается, так, что паспорт, кошелек с деньгами и банковскими картами на месте, телефон тоже, а Лизки нет. Она без этого из дома бы не вышла. И ключи тоже тут. Выходит, она исчезла из закрытой изнутри квартиры?

Лиза вспомнила и добавила:

-Здесь ещё бутылка валялась, большая, спиртным из нее пахло, фу! Я ее убрала отсюда в шкаф, давай покажу.

Показала. Кирилл покрутил ее в руках, сказал, что это мартини, и Лиза давно хранила ее. В других комнатах они обнаружили, что отсутствуют многие вещи Лизы. Нет ее чемодана и сумки, это сундуки такие, пояснил парень.

В следующей комнате, по словам Кирилла, здесь ранее жила бабушка Мария, Лиза показала, как был открыт шкаф, ящик стола не закрывался, и как она поправила застрявшую коробку, ее она не открывала. Коробку Кирилл достал, ещё посмотрел в ящике.

-Шкатулки здесь не было? Ясно. То есть жемчуг бабушки, она взяла, а бриллианты фамильные оставила? Вот как так?

И впрямь, в невзрачной на вид коробке, лежали серьги, узкое кольцо с вытянутым камнем, и небольшое ожерелье с мелкими камнями и одним, более крупным, в центре. Было видно, что драгоценности не современные, старые. Действительно, фамильные.

Распахнув шкаф, Кирилл присвистнул:

-Вовсе ничего не пойму! Лизка зачем-то выгребла бабушкино рукоделие! А ведь она никогда к рукоделию, да и к домашнему хозяйству рвения не имела, если и делала что-то, то из-под палки или чтобы с голоду не умереть. Хотя...

И он выдвинул нижние ящики. У Лизы аж дух захватило от вида такого богатства цветов, сортов и видов различных ниток, вышивок и ещё чего-то разноцветного.

-Кирилл, скажите, тогда почему она это не забрала? Это же настоящее сокровище для рукодельницы!

-Я тоже этого не пойму! Хотя... Давай ее комп проверим.

В комнате, которая принадлежала Лизе, по словам Кирилла, тоже было достаточно много разбросанного, но Кирилл уверенно прошел к столу, на котором стояла плоская рамка, вроде картины небольшой, чем-то пощелкал, в картине что-то негромко загудело, зажужжало, засветилось... Лиза почти даже не вздрогнула, она уже смирилась, что в этом мире все жужжит, щелкает, гудит... Пока она размышляла о странностях мира, на светящейся картине появилась она сама, только выглядела она немного странно, в незнакомой одежде, почему-то лохматая, и слегка пошатывалась. Откашлявшись, она заплетающимся языком произнесла:

-Дорогие мои родственники! И тебе привет, Кирюха! Я, ваша Лиза, находясь в здравой памяти и уме... ик... переселяюсь на ПМЖ, далеко, ик... ну это ик... в другой мир! Поскольку в этом мире я никому не нужна... ик... и меня никто не любит, только унижают все... ик... и я чувствую, мое место не в этом мире! А где-то там...

Девушка в рамке патетически взмахнула рукой, пошатнулась, ещё раз икнула и деловито продолжила:

-Искать меня не будут, с работы меня сократили. Но вы за меня не переживайте, я хорошо подготовилась! Я взяла все, что мне может понадобиться в другом мире! - она на секунду задумалась - А может не все? - потом неуверенно пробормотала - Не помню, взяла ли я мясорубку? А, ладно! В общем, я решила и все, я уйду! Счастливо вам всем, не переживайте за меня! Лиза Арсентьева ещё всем покажет!

Девушка в картине пропала, картинка просто продолжала светиться голубым цветом. Кирилл тяжело плюхнулся в кресло.

-Выходит, правда... была у меня надежда, что это глупый розыгрыш, но теперь понятно. Что-то у нее случилось, что Лизка напилась в хлам, на ногах вон не стоит, как и с кем договорились - неизвестно, но получился обмен, ты - сюда, она - на твое место. Где, ты говоришь, то была, прежде чем сюда попала?

Лиза бодро отрапортовала:

- В Петербурге, в Павловском институте благородных девиц, в дортуаре шестого класса! - на всякий случай уточнила - На дворе был декабрь 1862 года.

-Ага, ясно. Петербург, значит. Год, как отменили крепостное право.

-Почему год? Два! Крепостное право отменил император Николай Александрович в 1860 году! Папенька переживал сильно ещё, кто же на полях свекловичных работать будет!

-Николай Александрович? 1860? Так эта балбеска, мало в прошлое, так ещё и не в свой мир попала!!! Вернётся назад - сам убью!!!

Парень бушевал ещё минут десять, Лиза сидела, притихнув. Она уже и не знала, что думать. Наконец, Кирилл успокоился и внимательно глядя на Лизу, сказал:

-А знаешь, поживу-ка я здесь... одна ты тут с голоду помрёшь, да и не умеешь пользоваться ничем. Будем надеяться на лучшее. Да и вдруг что-то станет известно про Лизку...

Глава 10

Другой мир - Лиза 1

Сама поездка прошла без приключений. Кошелек с наличными приятно грел душу, а корзинка с провизией радовала глаз и желудок. И даже будущее уже не казалось таким беспросветным. Мы устроили с котом обсуждение наших следующих действий в славном граде Курске. Я, конечно, бывала в Курске по служебной надобности, но в своей реальности и в современном мире. Сложно сразу представить, что может меня ожидать сейчас в небольшом губернском городишке, без развитой промышленности, глубоко сельскохозяйственном. Да и вообще, мне даже не в город, а в уезд надо, в имении батюшки моего двойника Лизы Арсентьевой. В Курске мне надо найти поверенного или стряпчего, не знаю, как он здесь, в это время, правильно называется. У нас это нотариус. Найти и узнать у него все юридические нюансы наследства. Вроде бы в Российской империи не было гендерных ограничений в наследовании, и майорат существовал только для очень крупных поместий. Мое "не мое" поместье явно к таким не относится. Только лишь бы не было закладных на само поместье и задолженностей по государевым налогам. А с остальным я справлюсь. Поужинав, мы завалились спать и проспали мирно до самого утра. Проснувшись, лежали под одеялом долго, не было желания вылезать из-под него в холодное купе. Наконец, дрожа и зевая, оделась, выполнили все утренние процедуры, позавтракали, собрали вещи, приготовила себе верхнюю одежду. Хорошо Федьке - пригладил усы, поплевал на лапу, умылся, собрал в кучу лапы и хвост - и все, готов. Сидели и смотрели в окно на проплывающие виды за окном. Паровоз свистел на небольших станциях, немилосердно коптил угольным дымом, даже в купе дымом припахивало изрядно. А за окном проплывали (не могу сказать - пролетали) виды заснеженного леса, небольшие деревеньки, домишки под соломенными крышами, кое-где курившиеся дымком печей. Мирно трусила небольшая лошадка, впряженная в сани-розвальни, на которых сидел закутанный в тулуп мужичок... Снега и в самом деле много, видно, что возле домишек снежные сугробы почти вровень с небольшими окошками. Чем ближе подъезжали к Курску, тем чаще попадались деревеньки. Если я верно, поняла, мне надо будет ехать из города в другую сторону. Поезд туда не ходит ещё.

Как и было обещано, прибыли мы в полдень, то есть в двенадцать часов. Видно, в прошлом поезда ходили без опоздания. Паровоз дотянул вагоны до высокого дебаркадера и, облегченно пыхнув последний раз дымом, встал, лязгнув колесами. Вывалившись из вагона на перрон, я сразу поняла, что очень сильно промахнулась с ботиночками. Ибо поскользнулась и растянулась сразу. Это вам не питерская слякоть. Это русская зима, без всякого мирового потепления! Причем падая, я ухитрилась придавить котофея, который устроился в сумке. Носильщик, принявший мой чемодан и сундук, бросил свою тачку, кинулся меня поднимать, я оскальзывалась, никак не могла подняться полностью, опять падая... В сумке приглушенно матерился кот, хорошо хоть, по-кошачьи... Наконец, уцепившись за тележку носильщика, я встала и тоже чуть не взвыла в унисон с Фиодором - зверски болело колено. Кое-как, шкандыбая, держась за эту тележку, в съехавшей набок шляпке, с растрепанными волосами, побагровевшая от неловкости и злости, доплелась до здания вокзала, небольшого и деревянного. В котором, на мое счастье, была дамская комната, как подсказал носильщик, усатый дядечка средних лет. Он даже проявил милосердие и проводил меня до нее! Давя бессовестно на жалость и обещая заплатить, я упросила его подождать меня здесь, пока я приведу себя в порядок, потом со всеми вещами он проводит меня до "стоянки такси", то бишь, до извозчика. Видно, и впрямь вид у меня был жалостный, что он согласился. На мое счастье, в дамской ком-

нате никого не было, поэтому я первым делом выпустила на волю недодавленного кота. Хотя потом пожалела об этом. То ли надо было уж додавить его, то ли кляп в пасть воткнуть... ибо высказал он все, что думал о корове - хозяйке. А думал он много и не всегда в парламентских выражениях. Потом отыскала опять свои любимые и надёжные боты на тракторной подошве. Поменяла обувь, затем, шипя сквозь зубы, задрала подол платья, колготки не порвались, а как-то расползались на коленке, и сквозь редкую теперь ткань виднелась ссадина и наливалась грозной синевой гематома. Нда, весело. Хотя... в боковом кармане сумки, ещё со времён моего "кавалерийского" прошлого жил тюбик бальзама "Спасатель". По первости я частенько нюхала опилки на ипподроме, попросту говоря, падала. Ура! Тюбик нашёлся. Щедро обмазав колено, принялась наводить внешний лоск - причесалась, поправила шляпку, отряхнула от какой-то соломы платье... счастье, шубка осталась цела и чиста. Вышла из дамской комнаты почти приличной барышней, только слегка прихрамывая. Утомившийся от бурных речей кот, слегка припугнутый перспективой быть оставленным в той комнате навсегда, лежал в сумке тихо, свернувшись калачиком. Доставили меня до извозчика, погрузили вещи, за что я от благодарного сердца отвалила мужику аж десять копеек. Хотя моя жаба была и причитала, что вот тут десять копеек, там десять копеек и приедешь мол, в поместье в одних стрингах. Озвучив по бумажке адрес извозчику, поехала я к поверенному, попутно разглядывая город. Как и ожидала, почти сплошь деревянный, одноэтажный, только в центре несколько каменных домов в два-три этажа, да длинное каменное, в один этаж, здание торговых рядов. Рядом с ними деревянный двухэтажный дом с несколькими лавками на первом этаже. Возле боковой двери извозчик и остановился. На двери была табличка "Мировой поверенный Деркач Иван Хрисанфович". Подивилась столь экзотичному отчеству и вошла внутрь. Извозчик тащил следом мои вещи. Внутри было два помещения - маленькая комнатенка писарчука-секретаря и комната самого Ивана Хрисанфовича. Оставив вещи, секретарю на сохранение, прижав к себе только ценную сумку с котом и документами, вошла внутрь.

Иваном Хрисанфовичем оказался мужчина лет тридцати пяти на вид, худой, длинный, с залысинами, вид нервический и умный. Поздоровалась и представилась. Предложив мне присесть, поверенный углубился в изучение моих документов, потом достал какую-то папку, начал сличать документы. Надеюсь, отпечатки пальцев и ДНК-тест брать не будет. Пока осторожно оглядывалась. Ну, аскетично, скажем так. Явно, юрист не из первой сотни. Да и сюртучок потёртый.

Наконец, прочитав все и наверняка, пересчитав запятые в тексте, поверенный сказал:

-Елизавета Ивановна! Должен огласить волю вашего батюшки. Он давно был болен, не хотел вас огорчать, поэтому ничего вам не сообщал. И в последние месяцы он, в силу своих возможностей, приводил все дела свои в порядок. По завещанию Ивана Андреевича, вы, Елизавета Ивановна, являетесь полноправной и единственной наследницей вашего батюшки. По заверениям вашего отца, других наследников не имеется и никто до сих пор не объявлял об оспаривании завещания. Вам отошло во владение поместье Арсентьево и прилегающие к нему земли. Закладных на это имущество на данный момент нет. Иван Андреевич все закладные выкупил. Налоговые вычеты за этот год тоже все выплачены. Но денежная сумма, причитающаяся вам, весьма невелика. Поэтому советую вам отнестись серьезно к своему будущему. Указ императора Николая Александровича о крестьянских свободах изрядно подкосил многие крепкие хозяйства, не только вашего батюшки. Жалованье дворовым слугам, оставшимся в поместье, я за этот месяц выплатил из предназначенных для этого денег. Их оставил мне ваш батюшка. Там ещё осталось на два месяца, я сейчас их вам верну вместе с выплатной ведомостью. Ваши бумаги на наследство уже готовы, сейчас вы подпишите документ о принятии наследства, я отдам вам ваши бумаги, и можете отбывать в свое поместье.

Интересно, а сколько мне ехать до этого поместья? У поверенного не спросишь, предполагается, что я должна знать дорогу к родному дому. Меж тем, есть хотелось все сильнее. И

тогда я робко проблеяла (помним, что беспомощной даме мужчины всегда спешат на помощь! Поэтому робкая овечка - наше все!)

-Простите, Иван Хрисанфович (тьфу, чуть язык не заплелся!), можно, пока вы документы окончательно подготовите, я схожу покушать? А то ещё ехать, и я с поезда вот сразу к вам... и вещи мои пусть у секретаря побудут, можно?

И дрожащий голосок, и блеснувшие слезкой глазки - все это возымели свое действие, чернильное сердце стряпчего дрогнуло, он кивнул согласно, выглянул в предбанничек и сказал писарчуку, возведенному мной в ранг секретаря, чтобы тот приглядел за моим имуществом. И я отбыла в ближайший пункт общественного питания. Не забыв выяснив у стоящего возле торговых рядов извозчика, далеко ли до Арсентьево и сколько стоит. Узнала, что если выехать сейчас, то к ночи приеду. И стоять это будет рубль с полтиной. Обдираловка, люди добрые!!

Трактир был рядышком, сразу за рядами. Там я спросила отдельный кабинет, заказала полный обед. Не знаю, что подумал трактирщик, может, про амурные дела, а мне на самом деле надо было накормить и выгулять кота. Посетила дамскую комнату "попудрить носик", то есть Фигляр "гулял", а я терпеливо ждала. Потом мы подкрепились комплексным обедом, вышли на улицу. На стоянке извозчиков прибавилось, но цену все называли одну и ту же. Причем каждый объяснял это тем, что придется ночевать в имении, так как ночью в зимнюю пору ехать опасно. Делать нечего, согласилась. Подъехав к поверенному, забрала вещи и бумаги, отбыла в теперь уже свой дом.

Если в Петербурге меня везли на вокзал "с ветерком" в обычной коляске, то в Курске, с учётом климата, это была некая помесь коляски и саней, то есть коляска, поставленная на полозья. Зато в ней была меховая полость для ног пассажира, и можно было опустить верх коляски и сие транспортное средство превращалось в кибитку. В общем, была надежда, что доеду до имения, не превратившись в ледяную статую. Как только выехали из города, я переместила кота из сумки себе за пазуху. Там однозначно теплее и Фигляр мог выглядывать осторожно, осматривать окрестности и тихонько мне комментировать увиденное. И вообще, поговорить за жизнь можно. Кучер, как только миновали последние домишки ремесленного посада, затянул нечто заунывное и немелодичное, поэтому ему было не до наших тихих бесед.

-Ох, Лиза, вляпались мы с тобой в историю, в прямом смысле. Что нас ещё впереди ждёт? Вроде хоть крыша над головой есть. Но жить-то с чего-то надо... что там твое имение производит, не знаешь?

-Откуда я могу знать? У поверенного спросить? Так вроде я должна знать о своем имении... как я помню, в это время вся губерния была сугубо сельскохозяйственной. Хлеб растили, но основное было - сахарная свекла. В Курской губернии было больше всего сахарных заводов. Все остальные отрасли носили лишь вспомогательный характер, для собственных нужд. Промышленность на уровне ремесленных мастерских. И то, все это я помню из своей курсовой четвертого курса. Возможно, в этой реальности немного по-другому. Приедем - узнаем. И не волнуй меня по пустякам, и так все нервочки истрепала. Будешь нудить - пойдешь пешком за повозкой!

Кот, в оскорбленных чувствах, нахохлился, заткнулся, и вскоре послышалось тихое посапывание, а потом и заразительный храпоток. Короткий зимний денёк быстро угасал, только красная полоса на горизонте указывала, что ещё не слишком поздно. Бабулины часики я приколола к платью ещё в Москве, время поставила по вокзальным курантам. Осторожно отодвинув кота, посмотрела на часы, оказывается, было всего половина пятого. По уверениям кучера, мы должны приехать часов в девять вечера. Ещё немного поглазела вокруг. В сумерках снежные сугробы вдоль дороги отливали синим, тихо вокруг, нет привычного шума автомобилей, слепящего света фар на встречной... только неровный, качающийся жёлтый свет от зажженного фонаря на облучке возле кучера, скрип полозьев по снегу, изредка всхрап неторопливо бегущей лошади. Да бесконечная, заунывная песня кучера. Понятно, поет, чтобы не уснуть в

монотонном движении. Изредка попадались небольшие деревеньки, в подслеповатых окошках виднелся жидковатый свет, да курились дымком печные трубы. Видела пару больших зданий в сторонке от деревенок, наверняка усадьбы помещиков. Где-то меня ждёт и теперь уже мое поместье. Под эти неторопливые мысли я и задремала...

В полудрёме ли, во сне ли неглубоком, но привиделось мне нечто несусветное. Например, приснился мне наш новый начальник, отталкивающий от себя рыдающую и цепляющуюся за него Лидочку. Вот отталкивает он ее и говорит своим бархатным голосом:

-Ах, Лизонька, если бы я только знал! Вы такая необыкновенная! Ваши прекрасные глаза берегут мне душу и лишают сна! А какой вы работник незаменимый! Нет мне прощения и покоя!

Потом начальник с Лидочкой куда-то исчезли, зато появилась бабушка Мария в платье Елизары Леопольдовны и сурово мне выговаривающая:

-Лизка, не будь душой хоть теперь! Вспомни все, чему я тебя учила, ведь ты умеешь, да лодырь ты невыносимый! Вспомни, чем ты на работе занималась! Может, хоть теперь одумаешься!

Я что-то пыталась вякнуть в свое оправдание, но бабушки уже не было. Вместо нее в кресле, в бархатном халате, сидел пожилой, седой мужчина, внимательно меня разглядывающий. Голос у него оказался слабый, тихий.

-Ты сильная, Лизонька, ты справишься, я верю в тебя...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.